ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 18 (2333). Четверг, 1 мая 1947 г. Цена 50 коп.

Да здравствует 1 мая—день смотра боевых сил трудящихся всех стран!

Да здравствует вождь советского народа—великий Сталин!

ПРИКАЗ
Министра Вооруженных Сил Союза ССР

1 мая 1947 г. № 21 г. Москва

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Сегодня советский народ и вместе с ним Советская Армия и Военно-Морской Флот празднуют День Первого Мая — международный праздник трудящихся.

Советская Армия и Военно-Морской Флот встречают Первое Мая в условиях боевой и политической учебы, успешно осваивая опыт Великой Отечественной войны и овладевая сталинской военной наукой.

Советский народ празднует Первое Мая в обстановке высокого трудового и политического под'ема. По всей стране развернулось всенародное социалистическое соревнование за достойную встречу 30-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции.

Рабочие, инженеры и техники промышленности и транспорта самоотверженно борются за досрочное выполнение плана второго года послевоенной пятилетки, за передовые методы производства, за повышение темпов восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства.

Советское крестьянство, вооруженное историческим постановлением февральского Пленума ЦК ВКП(б) о мерах под'ема сельского хозяйства в послевоенный период, с небывалым энтузиазмом развернуло борьбу за высокий урожай, за создание обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности, за восстановление и дальнейшее развитие всех отраслей социалистического сельского хозяйства.

Весь наш народ, руководимый коммунистической партией, великим вождем и учителем товарищем Сталиным, настойчиво преодолевает послевоенные трудности и одерживает одну победу за другой на фронте мирного труда.

Внешняя политика Советского Союза, его активная и последовательная борьба за прочный демократический мир, за укрепление дружественного сотрудничества народов встречает одобрение и поддержку прогрессивных сил мира.

Наши Вооруженные Силы обязаны обеспечивать мирный труд советских людей и государственные интересы Советского Союза. Для того, чтобы успешно выполнить эту задачу, Вооруженные Силы должны постоянно сохранять свою боевую готовность.

Солдаты и матросы, сержанты и старшины обязаны добросовестно изучать военное дело, чтобы быть и впредь умелыми воинами.

Генералы, адмиралы и офицеры должны совершенствовать свои военные знания и еще больше и лучше работать с подчиненными, учить их и воспитывать в духе безупречного выполнения воинского долга.

В ближайшие дни наступает важнейший этап боевой подготовки войск—период летней учебы. В этот период Армия, Авиация и Флот должны добиться новых успехов в боевой и политической подготовке и отлично решить поставленные перед ними задачи.

В годы Великой Отечественной войны советские воины показали образцы героизма, боевого мастерства и беззаветного служения Родине. Теперь, в мирное время, личный состав Вооруженных Сил должен, как и в годы войны, высоко держать честь и достоинство советского воина, быть образцом организованности и дисциплины, отдавать все свои знания и силы на благо нашего Отечества.

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины!

Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Воины, демобилизованные из рядов Армии и Флота!

Приветствую и поздравляю вас с Днем Первого Мая!

В ознаменование международного праздника трудящихся — ПРИКАЗЫВАЮ:

Сегодня, 1 мая, произвести салют в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик, а также в Калининграде, Львове, Хабаровске, Владивостоке, Порт-Артуре и в городах-героях: Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе — двадцатью артиллерийскими залпами.

Да здравствуют Советская Армия и Военно-Морской Флот!

Да здравствует наше Советское Правительство!

Да здравствует наша Коммунистическая Партия!

Да здравствует героический советский народ и наша могучая Родина!

Да здравствует Великий СТАЛИН!

Министр Вооруженных Сил Союза ССР
Генерал Армии Н. БУЛГАНИН.

Министр Вооруженных Сил СССР Генерал Армии Н. А. БУЛГАНИН.

Максим РЫЛЬСКИЙ

ПЕСНЯ

Деревья ветер клонит ниц,
Шумит в вершинах бора,
Но против ветра стаи птиц
Летят, звеня в просторах.

Не так ли, чтобы одолеть
Стремнины, кручи, недра,
Как птицы вольные, лететь
Должны мы против ветра?

И манны мы не ждем с небес,
Летя над тучей синей!..
Чтоб вырос гордый Днепрогэс —
Пусть Ненасытец сгинет!

Суровый мы ответ даем
Разверстой вражьей пасти,
И с каждым новым светлым днем
Все краше наше счастье.

На пашнях, где покров земли
Весенним дышит паром,
Посеем зерна, чтоб взошли
Тугой пшеницей ярой!

С животворящей силой рук
Неутомимый разум
У нас в дому, как с другом друг,
Живут и крепнут — разом.

Нам сладких, как пчелиный мед,
Похвал чужих не надо,
Для нас земля и небосвод
Цветут весенним садом.

Жизнь новую нам труд несет,
И что ни день —все краше...
Да славятся горячий пот
И труженики наши!

Кто сеет, строит города,
Возводит жизнь над пеплом,
Тот будет дорог навсегда
Сердцам потомков светлым!

Перевела с украинского
Екатерина ШУМСКАЯ.

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Сегодня советский народ и трудящиеся всех стран празднуют день 1 Мая. Второй раз после войны встречаем мы эту торжественную дату под небом мирной весны, на опаленной, но вновь зеленеющей земле. И вновь люди нашей страны, спасшие мир от фашизма, выходят на боевой смотр тружеников земли во главе передового человечества. В этот весенний праздничный день взоры всех народов обращены к нам. Во всех странах миллионы простых людей с восхищением, с гордостью, с надеждой прислушиваются к праздничному гулу наших городов и сел. Сердца миллионов устремлены к Москве, где сегодня по Красной площади проходят воины и труженики советской столицы, где неиссякаемый людской поток течет вдоль старых стен Кремля, где великий творец человеческого счастья — товарищ Сталин с трибуны мавзолея приветствует строителей коммунизма.

Наша Родина возвышается в мире, как незыблемый оплот свободы и демократии. Наш народ выступает сегодня, как могучая сила, стоящая на защите безопасности народов. Наши светлые и справедливые идеи противостоят международной реакции, которая, прикрываясь маской лжедемократии, пытается навязать новую бойню. Покровители фашизма, бизнесмены, торгующие человеческой кровью, с звериной злобой смотрят на то, как растет в мире авторитет великого советского социалистического государства. Никакие волны мутной клеветы, извергаемой этими господами, не в состоянии затмить сияние нашей правды. Советский Союз стал совестью человечества. И мы, советские люди, сегодня празднуем 1 Мая с гордым сознанием величия и справедливости нашего дела, окрыленные животворным чувством советского патриотизма.

Накануне праздничных дней Центральный Комитет партии Ленина—Сталина — вдохновительницы и организатора наших подвигов и побед — опубликовал первомайские призывы.

Эти пламенные призывы, прозвучавшие на весь мир, с новой силой провозглашают и утверждают те благородные идеи, которые вдохновляют советский народ.

Слова первомайских призывов вызвали взволнованный отклик во всех уголках нашей великой Родины, их услышала вся планета.

Трудящиеся всех стран! Боритесь за прочный мир против поджигателей войны! Да здравствует дружественное сотрудничество народов!

Это голос советского народа — неустанного поборника мира.

Советские люди шлют свой привет народам, освобожденным от фашизма и ставшим на путь демократии! Советские люди провозглашают здравицу нерушимой дружбе братских славянских народов.

С особой любовью и гордостью повторяем мы призыв, обращенный к Вооруженным Силам Советского Союза, отстоявшим и прославившим нашу Родину в Великой Отечественной войне. Мы воздаем должное нашим доблестным воинам, с чувством благодарности и восхищения вспоминаем их бессмертные подвиги в справедливых боях. И, как голос миллионов трудящихся, звучат слова:

— Советские воины! Бдительно охраняйте завоеванный мир и созидательный труд нашего народа.

Созидательный труд! Вот чем сегодня живут и дышат советские люди. Пафос созидания охватил всю страну. Мы залечиваем нанесенные войной раны, успешно развиваем и двигаем вперед наше народное хозяйство, продолжаем победоносное шествие к высотам коммунизма.

Выполнить и перевыполнить план новой сталинской пятилетки — вот боевой девиз советских тружеников, своей самоотверженной работой повышающих благосостояние своего народа, богатство и силу своего отечества.

1947 год, год тридцатилетия нашего советского государства, каждый советский патриот знаменует трудовыми подвигами.

Центральный Комитет большевистской партии призывает советских людей:

— Выше темпы восстановления и развития народного хозяйства нашей социалистической Родины!

— Обеспечим полный успех социалистического соревнования в честь тридцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции! Выполним досрочно план второго года послевоенной пятилетки!

На этот призыв откликается вся страна. Строители Днепрогэса и каменщики Сталинграда, нефтяники Баку и шахтеры Донбасса, металлурги Урала и машиностроители Ленинграда, передовики созидания, новаторы производства, мастера высокой производительности отвечают делом на это обращение партии.

Больше металла и нефти, больше чугуна, проката, больше угля, больше машин! Строить быстрее и лучше! Дать стране больше товаров широкого потребления!

Центральный Комитет ВКП(б) ставит конкретные задачи перед каждым советским человеком, на каком бы участке великих работ он ни находился.

На неоглядных колхозных полях идет сейчас развернутое наступление за тучный урожай. Мастера земли, творцы изобилия охвачены тем же пафосом социалистического соревнования, что и труженики промышленности. Область за областью, район за районом включаются в это великое соревнование, в патриотическом стремлении дать Родине больше хлеба, больше продуктов питания, больше сырья, повысить материальное благосостояние народа.

Центральный Комитет большевистской партии обращается к колхозникам и колхозницам, к рабочим и работницам МТС и совхозов, трактористам и комбайнерам, ко всем труженикам социалистического земледелия, призывая их к вдохновенным подвигам в борьбе за урожай, за изобилие.

В ногу с рабочим классом и колхозным крестьянством нашей страны идет и советская интеллигенция. Работники науки, искусства, литературы охвачены творческим вдохновением, об'яты стремлением внести свой достойный вклад в созидание народа.

Народ высоко ценит свою интеллигенцию, которая беззаветно служит делу Ленина—Сталина. Большевистская партия возлагает на советских мастеров культуры большие надежды.

Центральный Комитет призывает советских ученых смело итти по пути новаторства, обогащать науку и технику новыми изобретениями и открытиями, энергично внедрять новейшие достижения науки в производство.

С особым словом обращается партия к работникам литературы, искусства, кинематографии. Центральный Комитет призывает создавать высокоидейные художественные произведения, достойные великого советского народа.

Образы людей труда, повседневно совершающих прекрасные подвиги, людей, движимых вперед высокими и благородными идеями, людей, идущих во главе человечества, советские писатели призваны воплотить в своем творчестве.

Поэзия труда, преобразующего не только лицо страны, но и душу человека, должна пронизать страницы будущих произведений нашей литературы.

Это почетная, но нелегкая задача. Она по плечу лишь тому художнику, который активно участвует в сегодняшнем дне страны, идет в одном строю с тружениками, черпает свое вдохновение в гуще жизни. Она по плечу тому художнику, который вооружен передовым мировоззрением, великими идеями Ленина—Сталина.

Советские литераторы призваны ознаменовать тридцатилетие первого в мире социалистического государства новыми высокоидейными художественными произведениями, выражающими его великую и справедливую сущность, произведениями, достойными той эпохи, современниками которой мы имеем честь и счастье быть.

Наше отечество возвысилось и окрепло, оно возмужало в боях и развивается в труде.

Воспеть нашу Родину, творческую весну народа — долг советской литературы, литературы Горького и Маяковского, передовой литературы мира.

В этот весенний торжественный день перед нами во всей своей чистоте раскрыты горизонты завтрашнего дня, развернута сверкающая ширь коммунизма.

Над просторами нашей Родины, над всем миром звучат сегодня слова, наполняющие радостью, гордостью и надеждой сердца всех трудящихся:

— Да здравствует героический советский народ, народ-созидатель, творец свободной социалистической жизни!

— Да здравствует великая партия большевиков партия Ленина—Сталина, закаленный в боях авангард советского народа—вдохновитель и организатор наших побед!

— Да здравствует вождь советского народа — великий Сталин!

ПЕРВОМАЙСКИЙ ВЕЧЕР ПИСАТЕЛЕЙ

Праздник 1 мая писательская общественность Москвы отметила торжественным вечером в Клубе писателей.

После доклада тов. А. Максимовича, охарактеризовавшего хозяйственное положение нашей страны, огромный трудовой под'ем советского народа и обрисовавшего международную обстановку, в которой живет наше государство, выступил старейший большевик, соратник В. И. Ленина тов. Миха Цхакая. Он поделился своими воспоминаниями о первой на Кавказе маевке, устроенной на кладбище в предместье Кутаиси в 1891 году. Он рассказал также о первомайской демонстрации в Женеве (в 1907 году), в которой принимали активное участие русские политэмигранты. Швейцарское правительство обвинило их во вмешательстве во внутренние дела государства, угрожая выселить политэмигрантов из пределов Швейцарии. С большим интересом выслушали собравшиеся воспоминания тов. Миха Цхакая о первомайской демонстрации в Петрограде в 1917 году, когда народ вышел на улицы с лозунгами «Вся власть Советам!»

А. Софронов оглашает текст письма писателей товарищу Сталину.

«...В кровном единстве с партией и народом, — говорится в этом письме, — мы обязуемся подымать своими произведениями боевой и созидательный дух народа, воспитывать в трудящихся твердую волю и стойкость в борьбе, высокую политическую сознательность и неуклонную целеустремленность. В день 1 мая, в день смотра боевых сил трудящихся, мы торжественно обещаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, приложить все силы к созданию произведений высокоидейных и глубокохудожественных, достойных нашего великого народа и нашей могучей Родины».

ОБРАЩЕНИЕ

ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза.

Дорогие товарищи!

Успешное осуществление великой задачи построения коммунистического общества требует систематической и широкой работы по поднятию культуры трудящихся, усиления работы по коммунистическому воспитанию советского народа, неутомимой борьбы за полное преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

Советская социалистическая, подлинно народная интеллигенция, неразрывными узами связанная с рабочими и крестьянами, считает неустанную работу по политическому и культурному просвещению широких масс трудящихся своим первейшим священным долгом.

Поставленная товарищем Сталиным задача поднятия культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, необходимость решительного под'ема культуры советского крестьянства требуют от работников советской науки, культуры, искусства еще больших усилий по распространению среди населения политических и научных знаний.

В мире нет страны, где достижения культуры были бы столь доступны народным массам, как у нас. Большевистская партия и советское государство повседневно заботятся о повышении политической сознательности и культурности советских людей. Советские ученые, деятели культуры, вооруженные великим всепобеждающим учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, могут личным участием еще более способствовать делу распространения политических и научных знаний среди населения.

Работа по повышению культуры народа будет еще более успешной, если усилия работников науки, культуры, искусства будут об'единены в специальном обществе, ставящем перед собой благородную цель политического и культурного просвещения трудящихся.

Мы предлагаем создать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Задача этого Общества должна заключаться в том, чтобы организовать широкую пропаганду научных и политических знаний путем проведения публичных лекций в области международной политики, советской экономики, науки, культуры, литературы и искусства, а также путем издания и распространения стенограмм лекций.

Мы призываем всех деятелей советской науки и культуры еще более активно работать для повышения социалистической сознательности трудящихся. В публичных лекциях члены Общества должны раз'яснять внешнюю политику Советского государства, решительно разоблачать провокаторов новой войны и агрессии, показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии, вскрывать реакционную сущность идеологии современной империалистической буржуазии и ее реформистских прислужников. В лекциях необходимо раскрывать преимущества советского общественного и государственного строя перед капитализмом, показывать успехи хозяйственного строительства в СССР, достижения советской науки, литературы и искусства и стоящие перед советским народом задачи. Мы должны показывать величие нашей социалистической Родины, воспитывать у советских людей чувство гордости за советскую страну, за наш героический советский народ, ведя решительную борьбу против низкопоклонства отдельных граждан СССР перед современной буржуазной культурой. Долг членов Общества — раз'яснять важнейшие вопросы марксистско-ленинской идеологии, пропагандировать материалистическое мировоззрение, борясь против всяких ненаучных воззрений и пережитков чуждой идеологии в сознании людей.

К чтению публичных лекций целесообразно привлечь крупных специалистов по различным отраслям политических и научных знаний — академиков и членов-корреспондентов Академий наук СССР и союзных республик, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, Академии медицинских наук СССР, Академии педагогических наук РСФСР, научных работников научно-исследовательских институтов, докторов наук и профессоров, преподавателей высших учебных заведений, общественных деятелей, писателей, деятелей искусства и культуры.

Стенограммы лучших лекций, читаемых как в Москве, так и в других городах, нужно издавать массовым тиражом и распространять среди населения.

Мы призываем всех деятелей советской науки, литературы и искусства поддержать нашу инициативу и принять активное личное участие в создании и деятельности Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Организуя Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний и всемерно развертывая его работу по всей стране, мы создаем новый рычаг для культурного роста и идейно-политического воспитания советского народа.

Мы уверены, что наш почин найдет самый горячий отклик, одобрение и поддержку со стороны всех деятелей советской науки и культуры, которые всегда служили своему народу и черпали в нем свои творческие силы.

Вавилов С. И. — президент Академии наук СССР, **Палладин А. В.** — президент Академии наук Украинской ССР; **Мусхелишвили Н. И.** — президент Академии наук Грузинской ССР; **Амбарцумиан В. А.** — президент Академии наук Армянской ССР; **Сатпаев К. И.** — президент Академии наук Казахской ССР; **Сарымсаков Т. А.** — президент Академии наук Узбекской ССР; **Круус Г. Г.** — президент Академии наук Эстонской ССР; **Леиньш П. Я.** — президент Академии наук Латвийской ССР; **Матулис Ю. Ю.**— президент Академии наук Литовской ССР; **Мир-Касимов М. А.**— президент Академии наук Азербайджанской ССР; действительные члены Академии наук СССР, академики: **Волгин В. П., Бруевич Н. Г., Варга Е. С., Тарле Е. В., Греков Б. Д., Александров Г. Ф., Митин М. Б., Минц И. И. Грабарь И. Э., Лысенко Т. Д., Микулин А. А., Трайнин И. П., Лебедев-Полянский П. И., Опарин А. И., Орбели И. А., Артоболевский И. И.**; действительный член Академии наук Белорусской ССР **Жебрак А. Р.**; вице-президент Академии наук Грузинской ССР **Агладзе Р. И.**, члены-корреспонденты Академии наук СССР: **Поспелов П. Н., Леонтьев Л. А., Еголин А. М., Иовчук М. Т., Федосеев П. Н., Юдин П. Ф., Панкратова А. М., Жуков Е. М.** Ректор Академии общественных наук **Мишулин А. В.**, президент Академии педагогических наук РСФСР **Каиров И. А.**, секретарь ЦК ВЛКСМ **Михайлов Н. А.**, секретарь ВЦСПС **Попова Н. В.** Профессора: **Кружков В. С., Кедров Б. М., Францев Ю. П., Вознесенский А.А., Городецкий Е. Н., Докукин В. И., Нечкина М. В., Галкин И. С., Калашников А. Г., Васецкий Г. С., Хромов П. А., Теплов Б. М., Светлов В. И., Гагарин А. П., Шепилов Д. Т.**, писатель **Фадеев А. А.**, писатель **Симонов К. М.**, писатель **Тихонов Н. С.**; редактор газеты «Известия» **Ильичев Л. Ф.**; редактор журнала «Военная мысль» генерал-майор **Таленский Н. А.**, генерал-полковник **Шикин И. В.**, генерал-майор **Галактионов М. Р.**; ректор Высшей партийной школы **Митронов Н. Р.**; доценты: **Ковалев С. М., Суворов С. Г., Яковлев Н. Н., Олещук Ф. Н.**; председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР **Зуева Т. М.**; председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР **Храпченко М. Б.**; Министр высшего образования СССР **Кафтанов С. В.**

Федор ГЛАДКОВ

О герое нашего времени

Советская литература, рожденная Великой Октябрьской социалистической революцией, знаменует собою новую эпоху в истории русской литературы и литератур братских народов. Наша литература могла возникнуть, расти и развиваться только в условиях советской действительности, в условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства. Она имеет славную историю. Уже в первые годы своего творческого пути советские писатели создали ряд произведений, которые прозвучали на весь мир как новаторские, оригинальные, и оказали неотразимое влияние на творчество писателей всего мира. Стало бесспорной истиной, что советская литература —самая революционная, самая передовая, воздействующая на творческую мысль прогрессивных литераторов всех стран. Вот почему все силы реакции бешено ополчились против нее, вот почему мракобесы всех стран с возрастающей тревогой следят за ее могучим прибоем. Но трудящиеся и подлинно демократическая интеллигенция зарубежных стран, живущие верой в неизбежность победы царства свободы, борющиеся против рабства, вдохновляются благородными идеями нашего искусства. Они чтут нашу литературу, и каждая хорошая книга для них — настоящее откровение. Советские люди, творящие новые ценности, советская жизнь для них — обетованный мир.

Наш народ — творческий народ. Рабочий класс Советской страны проявляет свои творческие способности в условиях свободного соревнования, с вдохновением, которое потрясает людей зарубежных стран. Такое активное, творческое отношение к труду, к строительству жизни свойственно только хозяину, во власти которого находятся все производительные силы государства.

Довоенные пятилетки создали рабочую интеллигенцию—технически образованных передовиков, с широким кругозором государственных людей. Я говорю не об инженерах, а именно о рабочих от станка. В годы войны эти люди совместно с инженерами произвели коренной переворот в технике, в методах труда, они создали мощное движение тысячников — героических воинов оборонного труда.

О герое нашего времени—о творце и работнике, который уже соединил труд физический и умственный, никто из наших писателей не написал еще достойной поэмы. А народ наш с нетерпением ждет книг об этом герое.

После опубликования моей повести «Клятва» я получил много писем и с заводов и с боевых фронтов. Откликнулась и зарубежная критика

Один норвежский литератор писал по поводу моей книги: «Советские люди—активные члены общества, понимающие, что общество зависит от каждого из них. Это — люди, развивающие себя, чтобы творить. И потому эти люди-творцы производят потрясающее впечатление».

Что такое героизм в советской действительности? Это — не только подвиги в исключительных условиях войны, но и не менее значительные творческие победы на необ'ятном трудовом фронте. Без героического труда передовых рабочих-новаторов немыслимы были бы те величайшие победы, которыми прославила себя Советская Армия. А теперь, в годы послевоенной пятилетки, эти герои труда с неменьшим напряжением и вдохновением производят колоссальные перевороты в производстве и дают образцы подлинного творчества.

Писателям надо знать этого основного героя нашего времени. Перед нами стоит задача — показать всему миру советского рабочего-новатора. Что это за человек?

Прежде всего в нем высоко развито чувство человеческого и личного достоинства. Это — гражданин в полном смысле слова. Он украшен той благородной гордостью, которая обязывает его отвечать за каждое свое действие и за каждый поступок. Его лучшие цели — это цели коллектива, интересы общественной пользы. Ему чужды мещанское тщеславие, карьеризм. Жить—для него значит двигаться вперед вместе с товарищами. Он прост, скромен, и героические подвиги для него — обычное дело. Он никогда не стоит на месте, для него жизнь—в новаторстве, наслаждение — в бою. Он умеет радоваться собственным успехам и успехам своих соратников. Волноваться и вдохновляться новыми замыслами, постоянно стремиться в будущее, драться с косностью — для него не просто увлечение, не азарт, а осмысленный, продуманный в содружестве с коллективом план и тактика действия.

Рабочий-новатор должен быть основным героем советской литературы. Я верю в то, что основной герой нашего времени дождется своего художника, который воплотит его в бессмертном образе.

Да здравствует героический советский народ, народ-созидатель, творец свободной социалистической жизни!

(ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК ВКП(б) К 1 МАЯ 1947 ГОДА).

Иван НЕХОДА

ПЕРВОМАЙСКИЕ ДУМЫ

Я ДУМАЮ О РОДИНЕ

Наш день начинают не «треті півні», не кукушечье кукованье, — наш день начинают куранты под звездами башен Кремля.

Солнечный зайчик стучится в окно.

— Здравствуй, утро отчизны!

За Полярным кругом мой сверстник надевает лыжи, а в Киеве на улице Ленина уже зеленеют каштаны...

Первый сеятель вышел в Калининской области.

Первые тонны угля выдает «на гора́» мой земляк — углекоп Николай Лукачев.

Первый урок начинается в школе.

Первый ток идет из Днепрогэса — голубое солнце Украины! Труд поднимает человека. Труд поднимает мою родину.

И когда за карпатские горы опустится солнце устало — встречает его на Востоке Советского Флота моряк... Над сталинской землей никогда не заходит солнце!

Я горжусь своей родиной!

Родина — это солнце, которое светит всегда!

Сегодня — Первое мая.

Я распахиваю настежь окна.

Как красиво: красные флаги на домах и зеленые кроны каштанов на улице Ленина!

Я ДУМАЮ О ДРУЖБЕ

Туркменский юноша Курбан Дурды защищал землю моих отцов. В бою осколком снаряда ему оторвало руку.

— Правая?

Левой рукой поднял ее, как знамя, и пошел в бой. Мы отстояли свой край.

Схоронила Украина руку туркмена-героя, как право на дружбу, что кровью своей мы в боях освятили. Легендой стал Герой Советского Союза Курбан Дурды в моем народе. Украина стала второй родиной героя. О нем слагаются песни. Украинская поэтесса Агата Турчинская написала о нем поэму.

На Калининском фронте дрался сын украинского народа артиллерист Иван Великий. Вместе с другими в ночь под новый 1943 год он возвратил родине древнерусский город Великие Луки. Я пишу о нем роман.

В это майское утро трудящиеся Киева возложат венки из живых цветов на могилу освободителя столицы Советской Украины — достойного сына великого русского народа — генерала Ватутина. О нем сложил песни Андрей Малышко. О нем написал пьесу украинский поэт Любомир Дмитерко.

Это дружба, скрепленная кровью. Дружба 200 миллионов советских патриотов. И никто и никогда не расторгнет ее!

В этом — наша сила.

Пусть знают об этом безумцы, помышляющие о новых войнах.

Я ДУМАЮ О СЧАСТЬЕ

Против моего окна возводится новый дом. Его строят ученики каменщика Ивана Раманина.

Под окнами ласточки вьют гнезда.

Я читаю «Витязь в тигровой шкуре» в украинском переводе Миколы Бажана.

Я пью из источника Грузии!

Дочурка декламирует «У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь...».

Да. Это — златая цепь, соединяющая нас с русской культурой...

И по всему Киеву гремит изо всех радиорупоров:

Слово Сталіна між нами,
Воля Сталіна між нас...

Это «Песня о Сталине» Максима Рыльского.

Песня шагает по полям Украины.

Слово Сталіна між нами!

Теплое солнце улыбается зеленям.

И всходит наш труд на колхозных полях. — житом, пшеницей!

Я иду туда. Меня там ждут. Я там нужен!

Всходит наш труд сталью Кучерина.

Углем Лукачева.

Сплавом плотов по Днепру.

Это — на Днепрострой. Уже пущена первая турбина, — в 90.000 киловатт. Их будет десять таких турбин!

Я спешу туда. Меня там ждут. Я там нужен! Идут вагоны, идут платформы, и названия городов мерцают, как созвездия дружбы: «Ленинград», «Сталинск», «Молотов», «Коломна»...

Вся страна возрождает голубое солнце Украины — Днепрогэс. Это — Иван Великий, возвратившийся с фронта. Иван-воин, Иван-строитель.

Я дописываю 60-ю главу своего романа «200.000.000». Двести миллионов — это мы! И я спрашиваю себя: что такое счастье?

Счастье — это когда тебя ждут, это — когда ты нужен родине своей!

Хорошо итти по Крещатику, когда цветет посаженная после войны рябина — символ дружбы двух великих братских народов. И рука Ленина указывает нам путь...

Хорошо стоять на Владимирской горке, когда до самого горизонта разлился весенний Днепр и ты еще и еще раз убеждаешься, — как прав Гоголь.

Хорошо в Первомайском саду, когда ты видишь, как пятилетний бутуз составляет из цветных кубиков первое свое слово: «Мы — не рабы...»

Хорошо, когда на всех языках думаем об одном — о славе и счастье родины.

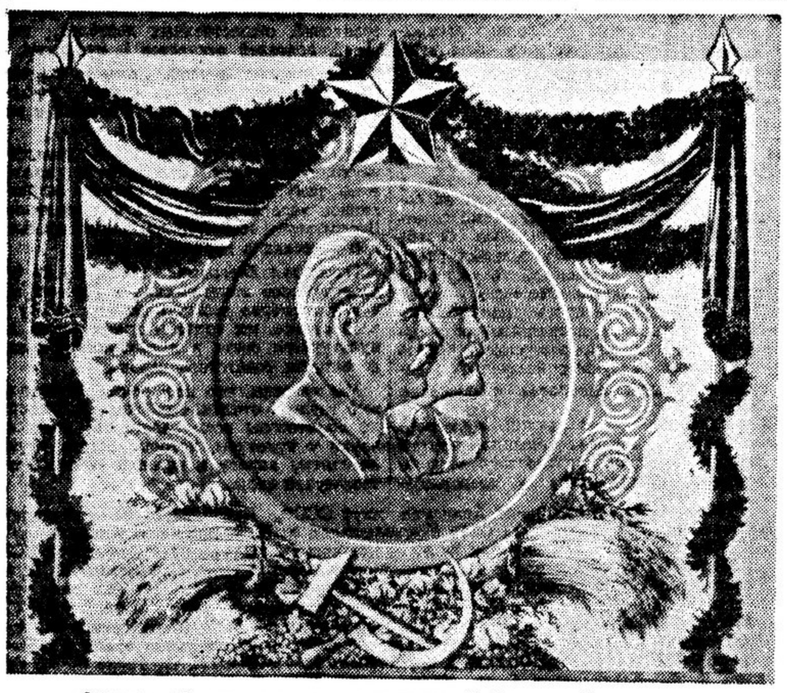
Пушкин и Горький обогатили все братские литературы.

Без Шевченко и Руставели я не мыслю великой русской литературы.

Поэзия Павла Тычины — это удача и русской и всей братской поэзии.

Счастье — это родина, строящая коммунизм.

Счастье — это дружба народов родины.



Фрагмент обложки книги стихов и песен «О Ленине и Сталине».
Худ. С. Телингатор, Детгиз.

◇ ◇ ◇

Ашот ГРАШИ

ПОЭЗИЯ БРАТСТВА

Когда наш «варпет», мастер Аветик Исаакян говорит о Лермонтове, он обычно восклицает:

— Я люблю этого поэта, высокого, как Казбек, и глубокого, как Дарьял. В нем и в Пушкине я вижу содружество классической поэзии России и Армении. Это содружество существовало издавна, но лишь теперь оно приняло формы тесной братской связи творчества обоих народов. Я почему-то чаще всего вспоминаю об этом именно весной, когда журавли летят через горы Алагёза — в сторону России, на чернозем Украины.

Всем нам близко и понятно определение массовости, как одного из важнейших эстетических критериев художественного произведения. В многонациональном советском государстве, где все лучшее из творчества одного народа переносится на почву другого народа, это определение имеет особенно большой и глубокий смысл: существование одного и того же произведения на разных языках — строгая проверка его массовости, а следовательно, идейной и художественной значимости. В наши дни стало обычным, когда один советский народ любит, понимает и гордится литературой другого.

Произведения Шевченко переведены выдающимся поэтом Армении Егамом Сарьяном на армянский язык. И пусть природа украинского языка другая, но в задушевно-глубокой музыке великого украинского поэта многое родственно и созвучно нашим песням.

С таким же ощущением украинцы читают Ов. Туманяна в переводе Павло Тычины. Я сам не раз, очарованный блестящими этими переводами, совершенно забывал, что читаю уже не по-армянски, а по-украински, и без конца упивался музыкой Туманяна, глубиной его стихотворных сказок для детей, прозрачно-акварельной лирикой.

Многие поэты Армении в годы войны, слушая на привале песни украинских партизан и солдат, сами создали песни, посвященные украинской земле, ее стойким борцам за свободу братских народов, за действенный гуманизм наших идей. И мы запомнили трогательные украинские песни Ов. Шираза и Гургена Боряна.

Этим далеко не исчерпывается братская связь армянской литературы с другими советскими литературами. Минувшей осенью в Ереване гостила делегация литовских писателей во главе с Петрасом Цвиркой. Классик литовской литературы Антанас Венуолис читал нам свои «Кавказские сказки», начало которым было положено в сырой камере Метехского замка, где он познакомился с революционными деятелями Кавказа и Закавказья.

В те дни мы перевели лучшие образцы литовской поэзии — чудесные лирические стихи Антанаса Венцловы, Саломеи Нерис, Людаса Гиры, К. Корсакаса и других современных литовских поэтов. Венцлова писал нам, что он об'ездил многие страны Европы и теперь, после чтения в русском переводе произведений армянских поэтов, ему недостает братского творческого общения с писателями горной Армении.

Произведения литовцев переведены на казахский и киргизский языки. В Киргизии их переводили поэты Аалы Токомбаев, Кубанычбек Маликов, Алыкул Осмонов.

Трудно отметить маршруты и пределы содружества поэзии многих народов. Скоро, судя по письму, которое мы получили из Литвы, выходит в свет роман Степана Зоряна «История одной жизни», переведенный на литовский язык. В Армении печатается роман «Молодая гвардия» А. Фадеева в переводе Мкртыча Армена. Перечень можно было бы значительно расширить, но и так ясно, что теснейшая связь между братскими литературами означает не просто ознакомление, но прежде всего взаимное проникновение идей нашей сталинской эпохи, стиля, а зачастую — размеров, строфики и т. д.

Сегодня день Первого мая—общего праздника народов СССР, а значит, и их литератур. Едино советское государство, едина социалистическая литература при всем ярком разнообразии национальных форм и традиций. В светлый день праздника особенно радостно сознавать неизменное углубление этого единства.

С Первым мая, товарищи, с торжеством непреходящей, нескончаемой весны нашего общего литературного творчества!

Б. ГАЛИН

ЧУДЕСНАЯ СИЛА

Донбасские записи

1.

Я разбирал свои донбасские блокноты и увидел на одном из листков короткую запись: «Старики. Обер-мастер Коробов и академик Павлов». И сразу же в моей памяти ожил февральский вечер сорок седьмого года, залитый светом зал театра в Сталино...

Шло торжественное заседание, посвященное семидесятипятилетию металлургического завода имени Сталина.

В президиум торжественного собрания были избраны старые рабочие. Они сидели в глубине сцены плечом к плечу — доменщики, прокатчики, сталевары, кладчики печей. Братья Буренок, полвека проработавшие на заводе, маленький худощавый седоусый старичок Прокуров, старик Акимов,— пятьдесят семь лет его жизни связаны с заводом,—старик Соломко, который сказал директору завода Андрееву в дни освобождения от немцев: «Закрывши глаза, по памяти я возведу четвертую мартеновскую печь»...

В зал вошла делегация макеевских металлургов. Возглавлял делегацию старейший доменщик Донбасса Иван Григорьевич Коробов — широкоплечий, с пышными светлорыжими усами. Коробов привычно, по-хозяйски поднялся на сцену, подошел к столу президиума, но, увидев стариков, тихо и чинно сидевших в глубине сцены, немедленно направился к ним. Это были его дружки, его товарищи. И еще один доменщик дал о себе знать на этом празднике труда. Академик Павлов прислал приветственную телеграмму. Надо было видеть, как заволновались старики, когда один из инженеров оглашал павловскую телеграмму. Они поднялись дружной стайкой и прошли вперед, чтобы лучше слышать слова Павлова. Он был их друг, их товарищ по доменному искусству, престарелый металлург, как он называл себя.

Я смотрел на стариков, носителей живой истории завода, на их детей, заполнивших огромный зал, и передо мною возникали страницы борьбы и труда людей одного завода. Эта книга, книга жизни одного завода, существует. Ее написали донбасские литераторы, партийные работники, инженеры, рабочие. Я читал рукопись этой книги. Общий тон ее глубоко оптимистичен; через всю книгу проходит горьковская мысль: все человеком ставится, все человеком славится. Новая история завода, охватывающая период немецкого нашествия и послевоенной борьбы за восстановление, является продолжением первой книги, которая была издана по инициативе Алексея Максимовича Горького.

Сама жизнь воскрешает в наши дни круг идей и мыслей великого Горького. Он завещал нам не только свои произведения, но и свои творческие замыслы, начинания, в основе которых лежит страстное желание сомкнуть писателей с жизнью. Завоеванное должно быть записано. В 1930 году Горький высказал эту мысль: народ должен знать свою историю. Упорно и настойчиво он пропагандировал и организовывал историю фабрик и заводов, историю людей сталинских пятилеток.

В предисловии к книге «Люди Сталинградского тракторного» Алексей Максимович писал:

«Очень трудно было представить, что муравьиная суета маленьких людей способна оковать пустыню железом, думалось, что, пожалуй, нехватит железа, да и сил тоже не хватит. Но, вот — хватило!»

Когда советские люди подняли на свои плечи титаническую задачу восстановления разрушенных шахт, заводов и городов, иные, вероятно, спрашивали себя: хватит ли железа, хватит ли энергии, сил и умения, чтобы справиться с этой грандиозной по масштабам работой. Партия, государство вкладывают в дело восстановления огромные материальные средства. Госплан планирует эти фонды. Но существует еще один фонд, который ни на каких весах не измеришь, фонд, который учитывается партией большевиков. Это — сила творчества народа.

В четвертую годовщину Октябрьской революции, выступая перед рабочими Прохоровской мануфактуры, Ленин говорил о невиданном чуде: голодная, полуразрушенная страна победила своих врагов, могущественные капиталистические страны. «Все, чего мы достигли, — сказал Владимир Ильич, — показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян».

Это сила творчества, та чудесная сила, которая дает себя знать и в будничной жизни и на крутых поворотах истории.

2.

Дверь кабинета секретаря райкома была приоткрыта. Я постучал и спросил, можно ли войти. Два голоса ответили: «Можно».

В кабинете секретаря было двое. Увлеченные своим разговором, они вначале не обратили на меня никакого внимания. Оба они были в гимнастерках, в сапогах. Один— черноволосый, с хмурым лицом, другой—русоволосый. Разговор шел о добыче угля, о темпах проходки. Черноволосый, по всей видимости хозяйственник, оперировал цифрами. Он называл тонны угля, метры проходки. И сердито говорил:

— В срок трудно уложиться. Очень трудно.

На что русоволосый отвечал:

— Надо подумать.

Русоволосый также называл цифры, также употреблял такие слова, как «лес», «железо», «цемент». Но в его тоне что-то отличало его от человека с хмурым лицом. Чувствовалось, что он видит не только те хозяйственные и технические проблемы, о которых идет речь, но и людей, на плечи которых выпадет эта работа.

В полдень мы вышли из райкома и сели в машину управляющего трестом—им оказался черноволосый. До шахты «Десятаябис» езды было минут пятнадцать. Но добрались мы туда только в сумерки.

Вот как мы ехали.

Не успели от'ехать несколько шагов от райкома, как русоволосый (первый секретарь райкома) тронул водителя за плечо и сказал: «Стоп!» Он открыл дверцу машины и потянул меня за собой. Строился новый магазин. По шатким доскам мы поднялись в охваченное лесами здание, окрашенное в оранжевый цвет. Цвет этот не понравился секретарю райкома. Он сморщился, точно от зубной боли. Прораб, стоявший рядом, стал оправдываться: другой краски нет.

— Нужна голубая,—решительно сказал секретарь райкома и посмотрел на управляющего.

Управляющий сказал:

— А где я ее возьму, голубую краску...

— Надо подумать, — мягко сказал секретарь.

Управляющий хмуро сказал прорабу, чтобы тот зашел в трест «подумать», где достать голубую краску.

Мы сели в машину, поехали, но шагов через пятнадцать секретарь райкома снова тронул водителя за плечо: «Стоп!» И повел нас к строящемуся хлебозаводу. Стены нового здания были выложены из серого грубого известняка. Секретарю райкома эти камни нравились,—он даже погладил их рукой. Здесь все было в порядке, и мы поехали дальше. Но через несколько шагов на этой же улице он увидел еще одно здание в лесах и тронул водителя: «Стоп!» Он так проворно выскакивал из машины, что мы с трудом поспевали за ним.

Строился дом для детского сада. Нехватало оконного стекла. Секретарь райкома еще не успел ничего сказать, он только посмотрел на управляющего трестом, как тот с сердцем вскрикнул:

— А где я возьму оконное стекло!...

— Нужно подумать,—коротко сказал секретарь.

Он стоял посредине строящейся улицы, в распахнутом пальто, в сдвинутой на затылок кепке и с наслаждением вдыхал весенний воздух, пропитанный олифой, краской, известью, свежевскопанной землей и молодой зеленой травой.

Я обратил внимание, что на всех новых зданиях, которые возводились на этой улице, краской было написано: Взорвано немцами в сентябре сорок третьего года. Восстановлено — тогда-то.

Наконец, мы приехали на шахту. Секретарь райкома познакомил меня с Николаем Лукичевым, автором «широкого шага» в горной проходке. Мы остались вдвоем с Лукичевым. Я подошел к раскрытому окну и увидел секретаря райкома, сидевшего на корточках у молодой акации. Он перебирал согретую весенним солнцем жесткую донецкую землю. Плечи его были вымазаны известью и краской. Управляющий, сидевший в машине, нетерпеливо гудел.

Лукичев, рассказывая мне о принципе создания «широкого шага», говорил о своем парторге и начальнике шахты — они помогли ему найти новое в горном деле. Я слушал его и думал, что дело тут не только в парторге шахты, «Широкий шаг», — творческий почин молодого забойщика — все это имеет своим исходным рубежом русоволосого большевика. Он видел жизнь — взорванные шахты, сгоревшие дома, он любил и понимал этих обыкновенных, простых людей, которых нужно об'единить, сплотить и духовно вооружить для строительства новых форм жизни.

3.

Инженер Жуков, Александр Илларионович, начальник блюминга в Макеевке, назначил мне встречу в семь утра.

— Это самое лучшее время для хорошей беседы, — сказал он. — Никто нам не будет мешать.

Это была моя третья встреча с инженером Жуковым.

Первый раз я познакомился с ним осенью 1945 года здесь же, в Донбассе, на строительной площадке будущего блюминга. Пока речь шла о проекте восстанавливаемого блюминга, он был в бодром настроении. Но как только от вопросов будущего мы перешли к настоящему, то-есть к тому, что было в то время на строительной площадке, он с горечью сказал:

— Разве это жизнь... Проекты, проекты, проекты...

Он не мог терпеливо ждать, пока проект по созданию блюминга в один миллион шестьсот тысяч тонн стали проката в год будет осуществлен. Ему хотелось — скорее, скорее! — чтобы ожил блюминг.

В 1943 году, осенью, инженер Жуков, вместе с женой и дочкой выехал в заводском вагоне на Восток и добрался до Кузнецка.

В тот же день Жуков пошел осматривать завод. Прежде всего он направился к блюмингу. Еще издали он увидел трубы нагревательных колодцев — десять труб. И тут же отметил: в Макеевке — восемь труб. Он начал свой осмотр блюминга с подготовительного отделения. Он увидел, с какой быстротой мощный кран подхватывает девятитонные стальные горячие слитки. За двадцать минут кран заканчивал всю операцию. А в Макеевке на это уходило до полутора часов. Он на-глаз определил температуру девятитонных слитков, — благодаря быстрой работе крана они сохраняли температуру в тысячу градусов. А в Макеевке из-за непроизводительной работы крана температура слитков снижалась до 550 градусов.

С этого Жуков, по существу, начал еще в дни войны свою работу по модернизации макеевского блюминга, который ему же придется восстанавливать после изгнания немцев из Донбасса.

Осенью сорок третьего года Донбасс был освобожден от немцев. И Жуков, работавший в Сталинске начальником блюминга, потребовал, чтобы его отправили домой — восстанавливать родной блюминг.

Он повез с собою чертежи, по которым предстояло модернизировать макеевский блюминг. Но строительство шло медленными темпами. Когда я встретил Жукова второй раз весной сорок шестого года, он не мог спокойно об этом говорить.

— Разве это жизнь, — сказал он с обидой, — разве это темпы...

На этот раз, зимой 1947 года, я полагал, что увижу Жукова в хорошем настроении. Наконец-то пустили блюминг. Это же крупнейшее событие в жизни южной металлургии Жуков был все в той же своей старенькой кожаной куртке и грубых крепких сапогах. Побеседовать по душам нам, к сожалению, не удалось. Начиналась оперативка — тот час, когда главный инженер завода Тищенко по селектору разговаривал с начальниками цехов. Весь огромный фронт завода, раскинувшегося на 150 гектарах, в этот час как бы стягивался в один узел.

Жуков держал телефонную трубку селекторного аппарата и ждал, когда до него дойдет очередь докладывать.

— Как вы живете? — спросил я Жукова.

Он только махнул рукой. И вдруг я услышал знакомое:

— Разве это жизнь, — сказал он сердито, — транспорт режет нас, дорогой товарищ, вот так режет...

Резким движением он провел по горлу.

— Что вам пишут из Сталинска?

— Чудная у них там жизнь, Курорт.

— Завидуете?

Жуков улыбнулся. Он прикрыл ладонью чашечку телефонной трубки и шопотом, чтобы, не дай бог, Тищенко не услыхал его, сказал:

— Так это разве жизнь?.. Все у них там налажено, все идет по-старому, Ровненько, спокойненько... А тут, дорогой товарищ, нужно все самому налаживать, за все драться, воевать....

Он вдруг выпрямился — его вызвал к аппарату главный инженер.

— Докладываю, — сказал Жуков, обращаясь к Тищенко.— За вчерашние сутки план выполнил.

Тищенко спросил (я услышал его голос):

— Претензии имеете? Что вас держит?

— Транспорт,—кротким голосом сказал Жуков. И, не выдержав, яростно закричал: — Транспорт! У меня полный склад продукции....

И как это бывает на оперативках, откуда-то вдруг вынырнул голос начальника транспортного отдела. И два инженера — начальник блюминга и начальник транспортного — сцепились в схватке.

— Потише, — послышался вдруг голос Тищенко. Он не любил крика. Он «рознял» дерущихся и выяснил существо спора. Жуков был прав.

Настроение Жукова несколько улучшилось, но не совсем. Мы прошли в цехи, поднялись на пост управления № 1, переброшенный через рольганги блюминга. Два человека — вальцовщик и манипулятор — сидели в креслах и, нажимая на рычаги, управляли движением шеститонных раскаленных слитков, которые двигались по стальной реке.

И тут я увидел, что лицо Жукова в первый раз за все утро приняло другое выражение. Исчезла озабоченность. Он отдыхал душою в эти минуты при виде прекрасной работы сильных и точных механизмов, как бы игравших с шеститонным стальным слитком.

Жуков повел меня осматривать подземное хозяйство блюминга. Прижимаясь к каменной стенке, мы смотрели на конвейер, по которому плыли медленно остывающие багровые окалины, отливающие синим цветом. Людей не видно было. Окалины, перемешанные с землей, сползали в бадьи, наполненные водой.

— Красиво? — шопотом спросил меня Жуков.

Признаюсь, я не сразу мог понять и почувствовать, что за красоту он видит здесь. Жуков притянул меня к себе и громко, точно я был глухой, стал говорить о том, что на старом блюминге окалину убирали вручную. Какая это была изнурительная, тяжелая работа! А на новом ликвидирован ручной труд, все или почти все механизировано.

Я шел по заводу, и долго еще после встречи с Жуковым мне слышался его голос: «Живем, воюем, ищем, думаем. Красиво?»

4.

Весна этого года — весна развернутого социалистического наступления в деревне. В марте мы услышали голоса передовых людей колхозной деревни — они прозвучали в письмах к товарищу Сталину. В письме украинских колхозников я прочел имя бригадира тракторной бригады Старо-Бешевской МТС Прасковьи Никитичны Ангелиной, которая в прошлом году в условиях засухи добилась высокого урожая в девятнадцать центнеров с гектара.

Читая новые обязательства, я вспомнил одну встречу с Пашей Ангелиной летом прошлого года в Старо-Бешеве.

Я помнил ее совсем молодой — черноволосая, с головой по-мальчишески стриженной, она в тридцать пятом году с кремлевской трибуны рассказывала о делах и днях своей бригады. И тогда же товарищ Сталин, слушавший ее выступление, сказал:

— Кадры, Паша, кадры!

Этими словами товарищ Сталин дал понять ей, что как бы хорошо советский человек ни работал, он должен помнить о том, что нужно воспитывать кадры, нужно тянуть за собою массу.

...Я увидел Пашу Ангелину в поле. Она была в защитном комбинезоне, руки ее вымазаны в машинном масле. Рукавом стирая с лица пот, она о чем-то беседовала с полеводом и двумя трактористами. Я сразу узнал ее — та же по-мальчишески стриженная голова. В движениях ее, в манере говорить живет чувство молодости, которое у таких людей не ржавеет.

Мне рассказывали ее друзья по бригаде, что когда немцы подошли к Старо-Бешеву, Паша Ангелина подняла весь свой тракторный отряд на ноги, целый род Ангелиных — свыше тридцати человек—и повела их вместе с машинами, вместе с бочками с горючим, вместе с мешками семян высокосортной пшеницы далеко на восток. Она шла впереди тракторного отряда, одетая в рабочий комбинезон. По дороге ангелинцы помогали вытягивать застрявшие на размытых дорогах орудия. В Белой Колытве они погрузились на открытые платформы и поехали в Западный Казахстан. Там, в глухой глубинке, весной 1942 года они начали борьбу за военный урожай.

Вернулась Ангелина в Донбасс после освобождения. Земля вокруг Старо-Бешева была изрыта траншеями. Памятуя сталинские слова: «Кадры, Паша, кадры!», она снова, как в былые годы, сплотила вокруг себя людей, стала вожаком масс, вкладывая весь свой опыт, все свое умение тракториста и государственного деятеля в борьбу за под'ем сельского хозяйства.

Я смотрел на смуглое, опаленное солнцем лицо Паши Ангелиной и вспоминал, что тогда же, в тридцать пятом году, вместе с ней на кремлевскую трибуну поднялся молодой агроном Николай Цицин. Он раскрыл жестяную коробку, которую держал в руках. В ней он берег драгоценные зерна выращенного им гибридного злака. И тогда же Сталин сказал молодому агроному ободряющие слова, в которых выражен творческий лозунг нашей эпохи:

— Смелее экспериментируйте, — мы вас поддержим...

5.

Для того, чтобы не плестись в хвосте событий, в обозе жизни, советский писатель должен выдвинуть свой творческий НП (наблюдательный пункт) на передний край великого наступления.

29 лет тому назад в статье «О характере наших газет» Ленин выдвинул перед литераторами требование, которое по сей день сохраняет свою злободневность. «Поближе к жизни— писал Владимир Ильич. — Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит новое в своей будничной работе».

Новое строится в борьбе со старым. И то новое и сильное, что возникает сейчас в нашей стране в эпоху нынешней послевоенной пятилетки, трудно будет понять и охватить, если не видеть истоков нашей силы.

В недавно вышедшем четвертом томе собрания сочинений И. В. Сталина опубликован сталинский доклад о первых трех годах пролетарской диктатуры. Подводя итоги пройденному и завоеванному, товарищ Сталин говорил: «...Нам приходилось строить под огнем. Представьте себе каменщика, который, строя одной рукой, другой рукой защищает тот дом, который он строит». Двадцать семь лет прошло с того дня, когда великий Сталин сказал эти слова. За эти годы, годы мира и войны, наша страна, преображенная пятилетками, прошла гигантский путь. Пройдя через горнило величайших испытаний, советские люди совершают новый творческий бросок вперед. С лесов строящегося дома, с лесов послевоенной пятилетки они смело смотрят в свой завтрашний день.

Е. СТАРШИНОВ

УТРО

Лишь солнышко край тучи
Лучом озолотит,
Лишь жаворонок певучий
Ракетою вверх взлетит, —

Танками из засады
Ринутся трактора.
Хлынут в поля бригады,
Грянет в полях ура!

Нынче колхозным людям,
Вспомни мои слова!
В день урожая будет
Салютовать Москва.

***

Гудок фабричный вдалеке
Прорезал тишину.
Пастух играет на рожке
«Священную войну».

И звук той песни в ранний час,
Что нас водила в бой,
Зовет, как родины приказ,
На подвиг трудовой.

Ярославль.

Александр ОЙСЛЕНДЕР

ПОЗДРАВЛЯЮ!

Поздравляю с первым громом,
С первой радугой-дугой,
С первой на поле знакомом
Вспышкой зелени тугой!

Поздравляю с первой веткой,
Распушившейся слегка,
С железнодорожной веткой,
Ждущей первого гудка.

С новой каменною кладкой,
С новой маркою авто,
С новой птицей — и посадкой
На полярное плато.

С днем рожденья поздравляю
Каждый всход в степной тиши
И добра ему желаю,
Говоря от всей души:

— Стань не ягодой-кислицей
И не колосом пустым,
А воздай за труд сторицей
Урожаем золотым!

Вновь я чашу подымаю
И, пока кипит она,
Пью за гордый воздух мая
И за молодость — до дна!

Здравствуй, май второго года
Пятилетки — с пеньем пил,
С бурным после непогоды
Восхождением стропил.

С новой тракторной колонной
На весенней посевной.
Поздравляю, май зеленый,
С возвращеньем в край родной!

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ПРОСЛАВИМ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Мы часто сами не замечаем, как нов и прекрасен стал человек нашей страны. Мы воспринимаем иногда окружающее непроницательным, я бы сказала, бытовым зрением. Конечно, и у нас найдутся всякие люди — и мелкие, и пошлые, и корыстные. Но разве они что-нибудь решают? Вся жизнь против них, она их сметет, разоблачит. Наша экономика, наша идеология, все основы нашей жизни не дают им развиваться и постепенно или уничтожают их, или переделывают. С каждым днем в течение всего тридцатилетия власти труда наша родина богатела новыми людьми — творцами, созидателями, борцами, новаторами. Переход количества в новое качество уже совершился. Новый человек, Человек с большой буквы, определяет лицо народа. Этот человек перекроил по-своему карту нашей родины, сработал все, чем сильна страна, отстоял ее против нашествия фашизма и сегодня в своей творческой неутомимости увеличивает скорость движения во всех областях созидания.

Многообразно население советской земли, различны язык и быт ее народов. Но великая общность, духовное родство определяют единство многонационального братства и помогают людям разных республик, разных языков работать бок о бок в любом месте, понимать друг друга с полуслова и сражаться рядом за общую родину. Эта общность, это родство — в самих людях, в их миропонимании, в их побуждениях, целях, в том, что ими уже сделано совместно, и в том, что они собираются совместно свершить.

Когда немцы хлынули через наши границы во всем превосходстве своей численности и вооруженности, они увидели людей, которых еще не встречали в своих победных маршах по Европе. И когда немцы попробовали овладеть уже захваченными ими территориями нашей родины, у них ничего не вышло, потому что родина жила в людях,—это были «непокоренные», жившие по советским законам в немецком тылу, это была «молодая гвардия», это были «люди с чистой совестью», превратившие глубокий немецкий тыл в поле ожесточенной битвы...

Наша страна — это строители Магнитки и Комсомольска, Уралмаша и Сталинградского тракторного. Это люди, которые создали Волховстрой и Днепрострой, затем отстояли их в тяжелейших боях, а потом пришли к страшным развалинам, не испугались и сказали: «Да будет свет!» и, не отдохнув, начали трудиться. Это ленинградцы, прошедшие через нечеловеческие испытания трехлетней осады, но сохранившие в неприкосновенности свою человеческую гордость, свои революционные традиции и волю к созиданию, ленинградцы, которые вышли сейчас в авангард послевоенной пятилетки и стали инициаторами грандиозного соревнования труда... Наша страна — это миллионы стахановцев, это ученые, вскрывающие запрятанные глубоко в земле ценнейшие богатства, и это молодой врач, спускающийся с парашютом во льды и снега Арктики, чтобы спасти больного... Именно эти люди определяют характер нашей жизни.

Мы, литераторы, все повинны в том, что новый человек, родившийся на нашей земле в огне и преобразовательном труде, еще не раскрыт в литературе во всей глубине и новизне. Мы еще очень мало рассказали о людях социалистического производства, а ведь именно на производстве формируется сейчас народ-интеллигент. Передовой рабочий, — а передовых у нас сотни тысяч, — стал интеллигентом. Это не внешняя, показная интеллигентность, а внутренняя, коренная. Она дается тем, что человек мыслит государственно, масштабно, руководствуется своими убеждениями, творчески осмысливает свой труд и вносит в него новое, то-есть соединяет труд физический с трудом умственным, труд исполнительский с организаторским. У таких рабочих-передовиков и язык стал иным, они говорят не так, как говорили раньше. Мне кажется, это не всегда улавливает наша литература. Советский человек сложен и душевно богат, особенно сложен и богат потому, что его психология, культура, быт формируются в борьбе со старым, в преодолении влияний старого. А ведь когда нам, литераторам, нехватает остроты зрения и слуха, чуткости к новому, получается бытописательство, «реализм на подножном корму». Между тем весь смысл нашего большого труда в эпоху построения коммунизма состоит в том, чтобы улавливать новое, ведущее, раскрывать и пропагандировать его, а значит — содействовать его росту и развитию.

Показать всему миру величие советских людей — это и долг, и внутренняя потребность писателя, потому что нет темы увлекательнее, благодарнее и значительнее этой, включающей в себя все многообразие, сложность и красоту нашей жизни.

Работники литературы, искусства, кинематографии! Создавайте высокоидейные художественные произведения, достойные великого советского народа!

(ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК ВКП(б) К 1 МАЯ 1947 ГОДА).

Вера ИНБЕР

ВЕСНОЙ О ВЕСНЕ

Один из неиссякаемых источников поэтического вдохновения — это природа.

Если бы кто-либо взял на себя труд подсчитать количество строф о природе в мировой поэзии, то полученная цифра, несомненно, удивила бы даже Эйнштейна. Ни одно из времен года не может пожаловаться на невнимание. У каждого из них имеются свои певцы. Но больше всего их у весны.

Перед почти бесцветной дымкой весенних садов стушевываются краски лета, золото осени, не говоря уже о снеге.

С необыкновенной силой вторгается весна в наше сердце, будя в нем то надежды, то воспоминания, а иногда и то и другое одновременно.

Но весна — это не только наиболее «чувствоемкое» время года; оно важно еще и с познавательной точки зрения. По одному только описанию весны можно многое узнать о родине поэта. Весна всегда связана с землей, а земля — с формами человеческого труда.

Наши советские поэты не составляют исключения. Они также много пишут о весне. И, расположив в известном порядке их стихи, можно получить своеобразную поэтическую «сводку вхождения» весны в первую послевоенную пятилетку, продвижения весны от недавних военных рубежей до юных плодовых саженцев, никогда не слыхавших свиста снаряда.

Но хоть земля — везде земля,
А как-то по-другому
Чужие пахнут тополя
И прелая солома.

И хоть весна — везде весна,
А жутко вдруг и странно:
В Восточной Пруссии она
С детьми, Сивцова Анна.

До чего же горька эта еще военная весна, описанная Твардовским в «Доме у дороги». Какие за душу хватающие слова найдены для описания русского ребенка, этого крошечного человеческого ростка, пробившегося в неволе.

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Поспевший одуванчик,

И слабый мальчик долго дул,
Дышал на ту головку...

Война еще длится. Враг еще не разгромлен. Еще туго натянута колючая проволока «лагерей смерти».

Весна — еще только краткая передышка между двумя боями:

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И просмотрели за неделю сны.

(«Отдых». Сергей Орлов)

Проходит еще какое-то время — и:

Полночь—вдребезги! Над миром вперебой
Перебои громобоя, пляс огня!
Полк, наверно, поднимается на бой.
Разбудите, разбудите же меня!

восклицает М. Максимов, спутав первую весеннюю грозу с артиллерийской подготовкой. Он пишет дальше:

Успокойся. То не в бой идут полки.
Утром выйдешь,— почки лопнули, и сад
Каждой веткой тянут к небу мотыльки
Так, что яблони на цыпочках стоят!

И мы так радуемся мирной весне, что даже прощаем поэту мотыльков, обладающих в данном случае не свойственной им грузопод'емной силой.

Настал срок — и война отгремела, закончившись победой Советской страны, равно непобедимой в бою и в труде.

Поэт Иван Бауков:

Увидел сад,
Тот самый старый сад,
Где я провел мальчишеские годы;
Чернеет чернобыла полоса —
Повсюду непочатый край работы.

Любопытно, что в первых послевоенных стихах речь идет большей частью о труде «вообще», как в первые дни войны говорили «вообще» о боях, не детализируя их.

Понемногу начинают вырисовываться темы возрожденного сада и строящегося жилья.

Попутно хочется отметить, что описание трудовых процессов требует величайшей точности. В этих случаях поэтический образ должен быть особенно тщательно выверен и взвешен.

В неплохом стихотворении Николая Грибачева сказано:

Послушал песню лесоруб —
и улыбнулся. И пила,
роняя манну с теплых губ,
дискант ребячий обрела...

В действительности пила не выглядит таким добродушным «губошлепом», как у Грибачева. Главное достоинство пилы—это ее «занозистость», «зубастость», полное отсутствие губ: одни зубы. Характеристика этого инструмента дана Грибачевым неточно.

Непревзойденный знаток природы М. Пришвин пишет о «весне света». Думается, что не менее поэтична и «весна труда». Нельзя без волнения следить за тем, как все шире разливается по нашей земле «весна труда». Как движется она по карте страны, заштриховывая нежной зеленью обожженные войной пустыри.

Продвигаясь все дальше на север, она достигает сурового берега, где зимой «аскарбин промерзает в облатках», где

Был флажком победы нашей вколот —
Домишко утлый на краю земли.

Весна садится с рыбаками в лодку. И:

Накинув ледок, как монисто на шею,
Счастливой слезой солоным-солона,
Летит, на курчавом ветру хорошея,
На солнце настоенная волна.

(Вадим Коростылев).

«Весна труда» теряет плакатность первых послевоенных дней. Она углубляется, приобретает психологическую рельефность.

Отвоевавшийся боец Советской Армии по праву включает весну в число своих лучших трофеев.

Пусть, может быть, не этою долиной
Ты с боем шел по рвущимся пластам,
Солдат весны —
Ты каждой мстившей миной
Был автор
Всем зачатьям и росткам.

(Николай Тряпкин).

Сейчас, в разгар второй послевоенной весны, все темы отступили на второй план, уступая место великой теме высокого урожая, для достижения которого напрягают все усилия наши колхозы.

Говоря об урожае, нельзя не вспомнить строк Маяковского, как будто только что написанных:

Республика
многим бельмо в глазу
и многим
охота сломать ее.
Нас
штык
от врагов
защищает в грозу,
а в мирный день —
дипломатия.
Но нет у нас
довода
более веского,
чем амбар,
ломящийся от хлебных груд.

Битвы за урожай ведутся сейчас на бескрайних просторах нашей родины. «Поля сражения» ждут своих певцов, своих поэтов. Юный урожай уже рождается:

Из глины
воронок,
сквозь след орудийных колес,
прозрачен
и тонок,
младенческий стебель пророс.

Будущий колос превратится в хлеб, в моторы, в зданья,

в ракетную скорость
двукрылых гонцов новизны
и заново
в колос
на бороздах новой весны!

(Семен Кирсанов).

И сейчас, когда праздник всех трудящихся Май стоит на пороге, когда

Земля просыпается,
празднично дышит,
Все готово к цветенью
от дерева
до древка,—

(Михаил Луконин).

в эти дни мы с особой силой ощущаем, что первоосновой всех чудесных превращений колоса является главное и повседневное «чудо» — чудо коллективного труда социалистической страны, в которой имеем счастье жить и работать и мы, советские поэты.

Леон ПАСТЕРНАК

НОЧЬ ПОД КАНЕВОМ

На палубе пляшут, поют и играют,
Мелькают буйки на реке, как лучи.
Шевченкова тень над Украйной
всплывает,
И Канев всплывает пред нами в ночи.

Здесь памятник, знаем, воздвигнут
Тарасу,
Но тьмою он скрыт от восторженных
глаз,
И два пассажира из третьего класса
Стоят, как на вахте, и шепчут: Тарас!

Расплылся, как облако легкое, Канев,
Плыли облака над уснувшей рекой,
И только гора нам виднелась в тумане,
И слышался с пристани говор людской.

Когда пароход приближался к Херсону,
Крик чаек приветствовал солнца восход,
Но дымом был застлан весь край
небосклона,
И вырос средь дыма гигантский завод.

Здесь Днепр перехвачен огромной
плотиной,
Немеркнущим город горит здесь огнем,
И новая здесь предстает Украина,
В труде неустанная ночью и днем.

Но здесь не забыли сказаний
чудесных,
Здесь помнят о Каневе и о кобзаре —
Из крови бойцов, из шевченковской песни
Заводы растут на певучем Днепре!

Перевел с польского
Марк ЖИВОВ.

П. ПАВЛЕНКО

МАЙ В КРЫМУ

Крым испытал в результате войны немало бед. Севастополь и Керчь в развалинах. Тысячи степных колодцев мертвы. Изранены сады. Запущены виноградники. Потоплены рыбачьи суда. Народу стало меньше, чем до войны, а работы больше. Новые поселенцы оказались перед трудностями, справиться с которыми им было нелегко.

Крым медленно становился на ноги. Крым приходил в себя по частям. Казалось иной раз, что он еще долго не станет прежним жизнерадостным Крымом, любимым именно за свою солнечную жизнь.

Но весна 1947 года — весна необычная. Крым воспрянул. Если бы мы жили в эпоху бандуристов, постановление февральского Пленума ЦК ВКП(б) уже безусловно распевалось бы в народе. В колхозах о нем говорят так, будто каждый непосредственно участвовал в его создании и что-то сам записал в нем.

Знакомый бригадир огородной бригады сказал мне:

— На обеде, конечно, все соседи, ну, а в отношении урожая я — извините — сяду с «трудовиками» (т. е. с теми, кто будет награжден орденами Трудового Красного Знамени).

Народ измеряет свой труд не только прозаическими центнерами, а ценою славы.

Можно услышать:

— У Чистякова, братец ты мой, намечается вроде как звезда Героя без десяти гектаров.

— Без трех «Знамен» на колхоз я и на люди не выйду.

Никогда раньше не приходилось мне видеть в людях ненависти к неурожаю. Не страх перед ним, а ненависть к нему, как к саранче или немцу, к тому, что должно быть навсегда истреблено.

Этот знаменательный год достойно начинает и маленький отряд крымских литераторов. Книга «В Крымском подполье» И. Козлова уже печатается в журнале «Знамя». В журнале «Октябрь» в ближайшее время появится роман Е. Поповкина «Семья Рубанюк». Послевоенной жизни переселенческих колхозов Крыма посвящен роман молодого прозаика Д. Холендро «Новый сад». Книга «Это было» Ольги Джигурды рассказывает о работе военного врача на Черном море и в Севастополе в дни осады.

Над книгой о героях борьбы на полях и виноградниках, ведущих нынешнюю битву за урожай, работают молодые очеркисты.

Лето 1947 года будет порой большой творческой работы и для тружеников колхозных полей, садов и виноградников, и для писателей Крыма.

А. БЕЛЕВИЧ

ВДОХНОВЕННЫЙ ТРУД

Вот уж два года белорусский народ с огромным патриотическим под'емом восстанавливает опустошенное, разрушенное гитлеровцами хозяйство республики. Нова и ярка жизнь Белоруссии, она полна и наглядных, и незаметных героических подвигов труда.

Белорусские писатели стремятся отразить эту жизнь. В чем сила новой высокоидейной, интересной книги? В новой, сложной правде, в новом быте белоруссa. Поэты и прозаики выезжают в колхозы, где идет борьба за обильный урожай. От зари до зари на поле, израненном и засеянном металлическими осколками, работают плуги, и зачастую впереди них идут с заступами крестьяне, выбрасывающие эти осколки. Рокочут тракторы, скрипят сцепы плугов. В свежие, как и до войны, согретые весенним солнцем борозды заботливая рука сажает крупный розовый картофель. Давно рассеялся в небе дым взрывов, земля же все еще в рубцах. Мир на душе победившего белоруссa, но память его еще долго будет хранить пережитое. Дело писателя—передать это многообразие чувств жителей белорусской деревни.

Это же полностью относится к труду и переживаниям наших рабочих. Строительные леса окружают свежую кладку, трубы новых фабрик и заводов подымаются в небо. Гудки Минского тракторного завода плывут над городом. В перекличку своим басовым голосом вступает второй гигант новой сталинской пятилетки — Минский автомобильный завод. Выше и выше вздымают свои корпуса новые школы и театры, институты и жилые дома, снова растет наша столица — Минск. Встают из мрачных руин Витебск, Гомель, Бобруйск, Могилев; воздвигаются корпуса новых гигантов индустрии... Возрождается Беларусь — недавняя партизанка, с оружием в руках встретившая подлого врага и не сложившая это оружие, пока не победила.

В первых рядах воинов шли белорусские писатели. Много хороших, талантливых произведений создали они в годы Отечественной войны. Но нынешняя героическая эпоха ставит перед литературой новые, еще мало опробованные задачи.

В белорусской печати появились очерки о людях, которые танк сменили на трактор, винтовку — на плуг, штык — на топор. Писатель Макар Последович закончил повесть «Теплое дыхание», посвященную жизни рабочих, строителей Минского автомобильного завода. Всеволод Кравченко написал повесть «Становление». В ней автор показал послевоенное строительство колхозной деревни, трудовой героизм людей. Алесь Стахович заканчивает роман о колхозной деревне «Под мирным небом».

Радостно, что прозаики проявляют большую творческую активность, но необходимо обновить сюжеты, расширить границы мировосприятия: проза еще отстает от поэзии, занимающей ведущее место в белорусской литературе.

Мы должны глубоко радоваться закономерному приходу в белорусскую литературу новых талантливых молодых прозаиков Я. Бриля, И. Шемякина, И. Мележа, И. Грамовича, М. Лупсякова и др. Пополнилась новыми силами и поэтическая гвардия. С фронта пришли оригинальные, талантливые поэты А. Зарицкий и А. Велюгин. Недавно приняты в члены Союза писателей Белоруссии молодые поэты Кастусь Киреенко, Микола Гамолка, Дмитрий Ковалев, Алесь Бачила, Григорий Нехай, Петро Приходько и др.

Мы видим в эти дни весны расцвет творчества всей нашей отчизны; как ручейки стремятся в реки, а реки стремятся в море и сливаются в единую нераздельную гладь, так и все народы советской страны сливаются с великим русским народом. Наш народ един в труде, он монолитен в устремлениях своих — в этом его могущество, его непобедимость!

Благодаря русскому народу, благодаря советской власти выросла и ярко расцветает в послевоенные годы белорусская культура; в Белоруссии открыты все возможности для роста народных дарований. Это воодушевляет писателей на новые творческие подвиги.

Наш старейший поэт, лауреат Сталинской премии Якуб Колас окончил большую поэму о послевоенной жизни «Рыбакова хата», лауреат Сталинской премии Аркадий Кулешов написал цикл стихов о восстановлении народного хозяйства. Пафос обновления жизни, строительства, трудовой героизм колхозного крестьянства ярко и убедительно отразил в своих сильных поэмах «Ясный кут» и «Хлеб» Петрусь Бровка. Новые стихи о героях наших дней написали Максим Танк, Петро Глебка, Пимен Панченко, Василь Витка, Филипп Пестрак, Максим Лужанин, Валентин Тавлай, Михась Машара и др. Пишут пьесы о людях великой сталинской эпохи Кондрат Крапива, Михась Климкович, Алесь Кучар, Виталий Вольский, Евгений Романович, Анатолий Велюгин. Работает над новыми произведениями наш старейший детский писатель Янка Мавр.

Источник вдохновения писателей — в нашей прекрасной стране, в ее великой победе, в трудовом героизме советских людей, в их праве на светлый отдых в дни наших празднеств. Создадим же книги, достойные чудесных тружеников, достойные наших грандиозных побед! Народ ждет произведений, обобщающих пафос и героизм труда рабочих и колхозников.

Слово за нами, товарищи писатели!

Богдан ИСТРУ

ГОЛОС ПОЛЕЙ

Пусть Похорна красотой
Между сёл не знаменита, —
По весне блестит росой,
Летом вся садами скрыта.

Коль побыть желаешь тут —
К нам прямёхонька дорожка:
До Похорны доведут
Шлях и новенькая стёжка.

Коль погода горяча —
На пути твоем дубрава.
Пить захочешь — три ключа
У дороги есть, направо.

В роще будут птицы петь,
Усыплять свирелью вешней,
Губ твоих коснется ветвь
Белоснежная черешни.

Только нынче не до сна:
Ты пойми, какая воля
В этой песне, что слышна
В золотистой шири поля!

Как весна заглянет в дом,
Отправляемся на всполье,
Острых лемехов ведем
Целых сорок на раздолье.

Расцветает абрикос, —
Сердце бьется, замирая.
В пору раннюю до слез
Поскорее хочешь мая!

Полюби у нас людей,
Всенародное их дело, —
Чтоб сама в душе твоей
Песня славы загудела!

Праздник Мая проведем
В песнях, с пляскою заправской!
Встретишь родственный прием
В трудовой семье молдавской!

Перевел с молдавского
С. ШЕРВИНСКИЙ.

Юлиус ФУЧИК

Письма из тюрьмы

Записки Юлиуса Фучика—«Слово перед казнью» («Репортаж с петлей на шее»), переведенные на десятки языков, воистину обессмертили имя их автора.

Талантливый литератор, журналист, критик, Фучик был верным сыном коммунистической партии; таким он оставался до последней минуты своей жизни. Об этом свидетельствуют его предсмертные записки, тайком вынесенные из тюрьмы и опубликованные вскоре после казни Фучика.

Советскому читателю особенно дорог образ Юлиуса Фучика, стойкого солдата революции, друга Советского Союза. В самые трудные дни, ожидая в тюрьме смертного приговора, Юлиус Фучик ни на мгновение не терял веры в победу, его мысли неизменно обращались к великой стране социализма, к вождю советских народов товарищу Сталину.

Публикуемые нами сегодня письма Фучика к жене и родным дадут читателю еще более полное представление о человеке, ставшем национальным героем Чехословакии. Читая эти пересланные из тюрьмы строки, мы ощущаем, как сквозь тиски фашистской цензуры пробивается поэтическая душа писателя-большевика, влюбленного в жизнь, в свою профессию. Перед нами встает незабываемый образ Человека, твердо верившего в светлое будущее, так крепко связанного со своим народом, так неотделимого от него, что самое понятие о смерти неприменимо к нему.

Бессмертно имя того, кто отдал свою жизнь во славу человечества!

ПИСЬМО, ВЫНЕСЕННОЕ ТАЙКОМ ИЗ ПАНКРАЦКОЙ ТЮРЬМЫ ГЕСТАПО

Мои плоды на тех, что зреют нескоро, наливаясь сладостью туманов на самой опушке печальных лугов, — они поднимаются из черных вод подземного царства, когда на горах лежит уже первый снег.

Ф. К. Шалда.

Густине

Любимая моя!

Слишком мало надежды на то, что мы когда-нибудь еще пройдемся с тобой, держась за руки, как малые дети, по откосу над рекой, где веет ветер и из-за холма поднимается солнце. И слишком мало надежды на то, что когда-нибудь, в мире и покое, окруженный содружеством книг, я смогу написать про то, о чем мы с тобой беседовали, что накапливалось и зрело во мне двадцать пять лет. Часть моей жизни уже уничтожили, когда похоронили мои книги. Однако я не хочу сдаваться, не хочу, чтоб остальная часть жизни погибла вся без остатка, пропала бесследно в белой камере 267. Поэтому в часы, украденные мною у смерти, я пишу заметки о чешской литературе. Запомни навсегда, что человек, который передаст их тебе, помог мне не умереть целиком. Карандаш и бумага, которые он мне дал, волнуют меня, как первая любовь, и оттого я сейчас не столько думаю, сколько чувствую, не столько организую слова и фразы, сколько уношусь в мечтах. Вероятно, вообще будет нелегко писать без иллюстраций, без цитат, и поэтому кое-что из того, что я так ясно вижу перед собой и буквально ощущаю, может оказаться неясным и нереальным для тех, кому я это хочу рассказать. Поэтому я прежде всего пишу тебе, моя любимая, своей помощнице и первой читательнице: ты лучше всех поймешь, что у меня лежало на сердце, и, может быть, вместе с Ладей и моим седовласым издателем дополнишь, что потребуется. Сердце и голова полны, но на стенах пусто. А как странно писать о литературе и не иметь ни единой книжечки, которую ты мог бы приласкать хотя бы взглядом.

Вообще странная моя судьба. Ты знаешь, как я любил простор, солнце и ветер, как я хотел быть всем, что в них живет: птицей или кустом, облаком или бродягой. А вместо этого — годы, долгие годы я живу под землей, разделяя участь корней. Неказрачных, пожелтевших корней, об'ятых мраком и тлением и поддерживающих над землей дерево жизни. Никакая буря не выворотит дерево с крепкими корнями. В этом их гордость. И моя тоже. Я об этом не жалею, — ни о чем не жалею. Я выполнил, что было в моих силах, и радуюсь этому. Но свет, свет я любил, и я хотел бы расти прямо ввысь и хотел бы цвести и зреть, как с'едобный плод.

Ну что ж.

На дереве, которое мы держали и удержали, вырастут, расцветут и созреют поколения новых людей, социалистические поколения рабочих, поэтов, а также критиков и историков литературы, которые, может быть, позднее, но зато лучше сумеют рассказать то, о чем я уже рассказать не смог. Так, быть может, и мои плоды хоть немного нальются сладостью и приобретут законченную форму, хотя на мои горы снег уже никогда не ляжет.

В камере 267, 28 марта 1943 г.

ИЗ ПИСЕМ, НАПИСАННЫХ В БАУЦЕНСКОЙ И БЕРЛИНСКОЙ ТЮРЬМАХ ГЕСТАПО

Бауцен, 14.6 1943

Дорогие мама, папа, Либа, Вера и все-все!

Итак, я, как видите, переменил место жительства и очутился в бауценской следственной тюрьме. По пути с вокзала я видел, что это тихий, чистый и приятный город, — то же можно сказать и об его тюрьме (конечно, поскольку тюрьмы вообще могут быть приятны для заключенных). Только после оживления в Печковом дворце здесь, пожалуй, слишком много тишины: мы здесь в одиночных камерах. Но за работой время проходит как нельзя лучше, к тому же я могу — как видите из приложенной официальной памятки — даже читать определенные журналы, так что на скуку жаловаться не приходится. Впрочем, каждый сам в своей скуке повинен, — есть люди, которые скучают и там, где другим живется прекрасно. А по мне так жизнь интересна где угодно, хотя бы и за решеткой; везде можешь чему-нибудь научиться, везде можешь найти что-нибудь полезное для будущего (разумеется, если у тебя еще имеется будущее).

Пишите поскорее, что у вас нового. Руководствуйтесь приложенной официальной памяткой, т. е. не посылайте посылок, разве что немного денег по адресу, указанному сверху (на мое имя). А теперь сердечно всех вас приветствую, целую, обнимаю и надеюсь еще свидеться.

Ваш Юля.

Бауцен, 11.7 1943 г.

Мои дорогие!

Как удивительно летит время. Ведь вот, кажется, всего несколько дней прошло с тех пор, как я вам отсюда писал в первый раз, — и опять уж у меня на столе перо и чернила... месяц минул. Целый месяц. Вы, вероятно, думаете, что в тюрьме время тянется, — так нет же. Может быть, именно потому, что тут человек считает часы, ясно видно, до чего они коротки, до чего коротки день, неделя и вся жизнь.

Я в камере один, но одиночества не ощущаю. У меня тут несколько добрых приятелей: книги, станок, на котором я делаю пуговицы, пузатый глиняный кувшин для воды, с которым так славно забавляешься (он напоминает товарища, который предпочел бы содержать в себе вино, а не воду), а в углу, в самом низу, паучок. Сколько с этими товарищами можно говорить, вспоминать, спеть песен — просто невероятно. А этот станок — как он умеет разговаривать, в точной зависимости от того, какое у меня в эту минуту настроение,—мы с ним отлично понимаем друг друга. Только иногда, когда я забываю его протереть, он злится и ворчит, пока я не искуплю свое невнимание.

И потом у меня здесь еще целый ряд знакомых. Не в камере, а во дворике, где мы каждый день прогуливаемся. Он невелик, но одной лишь стеной отделен от большого сада с красивыми старыми деревьями. А во дворике газон с такой массой разнообразных и разнородных трав и цветов, каких я еще на таком клочке не видал. Это напоминает то лужок в низине, то пасеку,— тут выглянут садовые анютины глазки, а там полевые маргаритки, красивые лютики, лиловые колокольчики, гусятница, садовые маргаритки, папоротники, — просто любо. С ними тоже наговоришься всласть.

Так и пробежит день, пробежит неделя,— а там, глядишь, и еще месяц промчался.

Да, да, промчался, но о вас я так и не узнал ничего. Если бы я несколькими днями раньше не расписался в получении 10 марок от Либы, я даже не был бы уверен, что вы получили мое письмо и вообще знаете, где я нахожусь. Вашего письмеца я пока не получил. Возможно, что оно заблудилось в пути. Пишите мне, пишите, можете писать каждый месяц: что слышно у вас, как живете, как там Густина. Целую, обнимаю вас всех — до свидания.

Ваш Юля.

Бауцен, 8.8 1943

Моя дорогая Густина!

Я получил разрешение написать тебе несколько строк и спешу это сделать сейчас же. Как мне писала Либа, ты переменила жилье. Знаешь ли, моя дорогая, что мы недалеко друг от друга? Если бы ты вышла утром из Терезина на север, а я из Бауцена на юг, вечером мы могли бы встретиться. То-то бы мы кинулись навстречу друг другу, не правда ли? Мы все странствуем по родным местам. Ты в Терезине, где так известен дядя *, а меня должны перевести в Берлин, где дядя умер. Но не думаю, чтобы всем Фучикам пришлось умирать в Берлине.

Верно Либа уже писала тебе, как я живу, что я один в камере, делаю пуговицы. В углу камеры, внизу, у меня маленький паучок, а на воле, у моего окна, поселилась пара синичек. Близко-близко, так что я слышу их нежный детский писк. Теперь они уже вывели птенцов, — ну и было же хлопот с потомством, а я при этом вспоминал, как ты для меня переводила их писк на человеческий язык.

Моя дорогая. Целыми часами я беседую с тобой и жду и тоскую о том, что нельзя говорить с тобой воочию. Сколько мы тогда друг другу нарассказали бы!

Моя милая малютка. Будь сильна и мужайся. Горячо тебя обнимаю и целую. До свидания — твой Юля.

Берлин, Плецензее, 31.VIII. 1943.

Мои милые!

Как вы уже знаете, я переменил местопребывание. 23 августа в Бауцене я как раз ожидал письма от вас, — а вместо этого дождался вызова в Берлин. 24.8 я уже ехал через Герлиц и Котбус, 25.8 утром состоялся суд, в полдень было готово дело. Закончилось так, как и ожидалось. Сейчас мы сидим еще с одним товарищем в камере на Плецензее, клеим кулечки, поем и ждем, когда до нас дойдет очередь. Остается несколько недель, — бывает, что и месяцы. Надежды опадают тихо и мягко, словно увядшие листья. Иные лирические души при виде этого поддаются тоскливому чувству. Но дереву не больно. Все это так естественно, так самоочевидно. Зима подготовляет человека к себе, как дерево. Верьте мне: это нисколько, ни чуточки не уменьшило радости, что живет во мне и каждый день дает о себе знать каким-нибудь мотивом из Бетховена. Человек не становится меньше от того, что его укоротят на голову. И мое горячее желание, когда все будет кончено, чтобы вы вспоминали меня не с грустью, а с такой же радостью, с какой я всегда жил. За каждым когда-нибудь закроется дверь. А насчет папы подумайте, нужно ли вообще говорить ему об этом или как-нибудь намекать. Пожалуй, лучше бы ничем не отягощать его старость. Рассудите сами, сейчас вы к нему и к маме ближе.

Напишите мне, прошу вас, что с Густиной, и передайте ей мой наилучший привет. Пускай всегда хранит силу духа и мужество и пусть не остается одна со своей великой любовью, которую я постоянно ощущаю. В ней еще слишком много молодости и чувства, чтобы она вправе была остаться вдовой. Я хотел, чтобы она была счастлива, и хотел бы, чтобы она была счастлива и без меня. Она будет говорить, что это невозможно. Нет, возможно. Для каждого человека возможна замена. В труде и в чувстве. Но сейчас пока еще не пишите ей этого всего. Пускай когда воротится — если воротится.

Теперь вы бы хотели иметь представление (я же вас знаю), как я живу. Очень хорошо живу. И тут у меня работа, да к тому же я не один в камере, так что время проходит... будто бы даже слишком быстро, как говорит товарищ по камере.

Итак, мои милые, всех вас горячо целую и обнимаю — и, хоть это немного странно звучит, до свиданья!

Ваш Юля.

8 сентября 1943 г. Юлиус Фучик был казнен.

Перевел с чешского
И. БАХРАШ.

* Композитор Юлиус Фучик.

Б. ПОЛЕВОЙ

ВЕЛИКАЯ ШКОЛА ЖИЗНИ

Злая, непогожая, густая и черная, как тушь, осенняя ночь остановила нас однажды на крутом горном перевале в глубине Карпат. Из долин поднялся промозглый туман, огни фар вязли и бессильно меркли в нем, не освещая дороги даже на расстоянии вытянутой руки. Делать нечего, пришлось тут ночевать. Мы вышли из машины. Сырой, омерзительно липкий холод, какой бывает только в горах в осеннюю пору, пронизывал до костей.

И вдруг сквозь туман мы увидели в стороне от дороги тусклый, расплывавшийся, точно масляное пятно по бумаге, колеблющийся огонек. Вблизи он оказался огромным и жарким костром, горящим в котловинке среди каменных нагромождений. У огня сидели солдаты артиллерийской батареи, прислонившись к теплым, нагретым камням в удобных позах. Маленькая, худенькая девушка, судя по погонам, санинструктор батареи, читала напечатанный в «Правде» рассказ, читала неумело, по-детски, слегка шепелявя, по-своему расставляя ударения.

Откуда-то из долины доносился гром ленивой ночной канонады, эхо повторяло каждый выстрел, густой туман обступал костер. А эти до смерти усталые, с ног до головы перепачканные в глине трудных горных дорог люди, забыв о еде, о сне, внимательно слушали, живо и искренне переживали сюжетные перипетии, сочувствовали героям, как будто то были действительно живые люди...

Я рассказал потом об этом случае писателю, чье произведение «Правда» принесла тогда, в ту далекую фронтовую ночь, в глубь Карпат, и он сказал, что чтение у фронтового костра — для него наивысшая оценка его творчества.

Этот эпизод вспомнился мне недавно во время разговора с одним начинающим писателем, напечатавшим два рассказа. Они имели успех, и вот теперь юноша советовался, как ему дальше итти по литературному пути. Ему порекомендовали поступить на работу в одну из газет, писать очерки.

— В газету? Что вы! Работать в газете— это значит разменять себя на мелочи, испортить стиль, слог. Нет, я мечтаю быть серьезным писателем...

К сожалению, такие взгляды на сотрудничество в газете и на газетную работу еще живут у иных, даже маститых литераторов.

Правда, разделяют эти взгляды обычно люди, не знающие, что такое работа в большевистской печати, люди, имеющие о ней самое смутное представление. Большевистская печать, являясь мощным оружием партии в организации и воспитании масс, в то же время — большая и отличная идеологическая школа для тех, кто в ней работает, школа, формирующая социалистическое мировоззрение человека, обучающая умению смотреть в глубь явлений, умению остро наблюдать жизнь, подмечать в ней новые явления, умению выбирать среди них главное и основное.

Корреспондентская работа дает возможность писателю все время наблюдать жизнь нашей родины, быть свидетелем и очевидцем самых интересных событий, общаться с замечательными людьми, видеть их там, где они полнее и лучше раскрываются. И именно корреспондентская работа, смысл которой в постоянном и активном общении с советской действительностью, снабжает писателя неоценимым материалом для его творчества, для создания монументальных произведений.

Советская литература последних лет дает бесчисленные примеры животворного влияния корреспондентской работы на творчество даже уже сложившихся и именитых мастеров слова. Большинство лучших произведений, появившихся в дни войны и в послевоенные годы, были результатом активной работы прозаиков и поэтов, в качестве боевых журналистов, с блокнотом в планшете участвовавших в великой битве советского народа.

Вспомним историю некоторых, теперь уже получивших всенародное признание, произведений. Великолепная книга А. Фадеева «Молодая гвардия» родилась в результате его поездки в Краснодон корреспондентом «Правды», и писатель многое в ней почерпнул из наблюдений, сделанных им во время его длительных военно-корреспондентских поездок по фронтам, где он был свидетелем и участником больших и напряженных сражений. Пользующаяся заслуженным признанием книга «Дни и ночи» — несомненный итог работы военного корреспондента «Красной звезды» К. Симонова в дни напряженных боев в Сталинграде. Повесть Б. Горбатова «Непокоренные» возникла в результате поездки автора, старого правдиста, с корреспондентским блокнотом по только что освобожденному Советской Армией Донбассу. Недаром повесть эта первоначально была напечатана на страницах «Правды». Поэма А. Твардовского «Василий Теркин», ставшая всенародно любимой, печаталась во фронтовой газете, в которой в трудные дни войны работал поэт. Да и «Дом у дороги», эта прекрасная поэма о страданиях, о мужестве, несгибаемой воле и жизнестойкости советского народа, — разве она не результат больших и тонких наблюдений корреспондента фронтовой газеты в дни боев и сражений?

То же можно сказать и о произведениях, посвященных героическому советскому тылу. Роман Федора Панферова «Борьба за мир» возник в результате поездок автора на Урал в дни войны в качестве корреспондента «Правды».

Газете многим были обязаны и такие крупные писатели, как И. Ильф и Е. Петров, А. Гайдар, Ю. Крымов.

Примеры эти можно продолжить. Но дело не в их количестве. И приведенных достаточно, чтобы показать плодотворнейшее влияние работы в большевистской печати на творчество писателя.

Настоящие, передовые советские писатели всегда активно сотрудничали в большевистской печати на всем протяжении ее истории. А. Фадеев, Н. Тихонов, Л. Леонов, В. Кожевников, М. Исаковский, В. Вишневский, Ф. Панферов, М. Шагинян, А. Караваева, А. Корнейчук, В. Василевская, Ю. Яновский — вот далеко не полный список писателей, которые в дни войны, да и теперь активно сотрудничают в «Правде». И эта активная газетная работа нисколько не заставляет их «размениваться», не мешает их творчеству.

Большевистская газета дает советскому писателю самую обширную и массовую трибуну. Его голос, прозвучавший со страниц советской газеты, слушают сотни тысяч, а иногда и многие миллионы читателей. Даже самые массовые издания не могут дать художнику слова такую аудиторию, какую дает ему советская газета.

Большевистская печать — это передовая позиция идейно-политической борьбы. Это— благодарнейшая атмосфера для формирования идейного облика писателя.

Привлечение к активному участию в работе газеты лучших, передовых, талантливейших прозаиков и поэтов — одна из основных традиций большевистской печати, созданной великими Лениным и Сталиным. Активная работа в газете — в свою очередь исконная и нерушимая традиция лучших советских литераторов.

И. АЛЬТМАН

Бретт Чарлз и „другие“

Авраам Линкольн сидел в своей ложе, рядом со сценой, во втором ярусе. Это было 14 апреля 1865 года, на торжественном спектакле в Вашингтоне.

Тяжелая война между Севером и Югом закончилась победой Севера. Еще раньше Линкольну удалось провести через конгресс декларацию о полном освобождении негров, несмотря на бешеное сопротивление реакции и на оппозицию умеренно-либеральных кругов.

Шел спектакль. Неожиданно во время представления раздался выстрел. Убийца Линкольна соскочил из ложи на сцену с криком: «Sic semper tyrannis» — «Так всегда будет с тиранами». Это был южанин Вилькс Бутс. Он убил Линкольна через щель в стене ложи.

Так рабовладельцы расправились с Линкольном.

Герой пьесы Константина Симонова Гарри Смит, вернувшийся с второй мировой войны, борется за Америку Линкольна и Рузвельта. Реакционеры лишают его работы, выбрасывают на улицу.

Герой пьесы Джеймса Гоу и Арнода д'Юссо «Глубокие корни» лейтенант Бретт Чарлз, негр, ветеран второй мировой войны, вернулся в свой городок. Это было весной 1945 года. Он сражался против фашизма, за свободу Америки и Европы. Он отказался от предложения Алисы Лэнгдон, дочери сенатора, поехать в Чикаго и работать над докторской диссертацией. Он предпочел должность директора школы для негров и жалованье в 500 долларов в год. Бретт Чарлз отлично сражался. Тяжело раненный, он выполнил свой долг до конца. Он был первым героем своего города, получившим высокие офицерские награды, в том числе крест «За выдающиеся заслуги». Бретт Чарлз понял на войне, что мир недостаточно хорошо устроен, и захотел лучше служить Америке и своему народу.

Но Юг остается Югом, а реакция — тем же, чем она была. Сенатор Лэнгдон, в чьем доме вырос Бретт, сын старой служанки Лэнгдонов, возмущен тем, что негр еще продолжает носить военную форму: «Я вижу тебя насквозь. Приберешь к рукам здешних негров, подымешь среди них недовольство, вобьешь им в головы разные идеи. Вызовешь беду».

«—Нет, сэр, — вежливо отвечает Бретт, — не будет никакой беды. Но я надеюсь, что помогу им понять...».

Сенатор Лэнгдон преследует Бретта. Он обвиняет негра в краже часов. Бретта жестоко избивают и арестуют. Часы, тем временем, лежат в кармане сенатора...

Часы сенатора — фамильные. Они подарены отцу сенатора его дядей, вице-президентом Южных Штатов Стивенсом. На крышке их — надпись: «Честь превыше всего». Часы — символ, кусок истории. История иногда повторяется, но ничего не забывает. Стивенс был в годы гражданской войны заместителем Джефферсона Дэвиса. Столицей южан в то время был город Ричмонд в Виргинии — цитадель рабовладельцев. **Стивенс воевал против Линкольна.** В те годы был казнен старик Джон Браун из Канзаса, возглавивший борьбу рабов против южных рабовладельцев. Брауна и его четверых товарищей казнили реакционеры Юга, несмотря на протесты и агитацию Северных Штатов. В народных низах имя Джона Брауна и поныне пользуется бессмертной славой. Часы сенатора Лэнгдона обагрены кровью Джона Брауна и тех, кто боролся за свободу негров.

С детских лет мы запомнили «Хижину дяди Тома». Бичер-Стоу научила нас жалеть американских рабов. Повзрослев, мы поняли, что одной жалостью не поможешь: необходима борьба. Судьба негров в Америке за последнее столетие почти не изменилась. Закон законом, а старые обычаи Юга живы. Вспомним семью Хаббартов в пьесе Лилиан Хельман «Лисички». Вспомним негра Хенсома Брауна из новелл Эрскина Колдуэлла...

Во время гражданской войны в Америке руководящая газета штата Южной Каролины «Чарльстонское знамя» писала: «Рабство есть единственное и нормальное состояние всякого трудящегося человека, все равно, белый он или черный».

Но разве американская реакция изменила свою политику? Она лишь овладела новой терминологией, прикрываясь словами о «прогрессе и свободе». «Негритянский вопрос» не изолирован от реакционной программы американских империалистов. История продолжается: узники Скотсборо, «Обезьяний процесс»... Не случайно последние законопроекты, обсуждающиеся в конгрессе и сенате, затрагивают не только международные вопросы, но и вопросы антирабочего законодательства. В Американский конгресс за последнее время внесено 212 антирабочих законопроектов.

Джеймс Гоу и Арнод д'Юссо в своей пьесе «Глубокие корни» говорят не только о судьбе вернувшегося с войны негра Бретта, так же, как пьесы Лилиан Хельман и Константина Симонова имеют в виду не частности, а общие явления. «Глубокие корни» — пьеса интересная и симптоматичная для современной американской литературы.

Сенатор Элсуорт Лэнгдон, так же, как и владельцы хлопковых плантаций Хаббарты в пьесе «Лисички», не намерен отказаться ни от каких привилегий. Изобличенный, в конце концов, в истории с часами, сенатор говорит дочери: «Ты думаешь, я потерпел поражение? К счастью, есть еще люди, которые видят опасность... Они и здесь, эти люди. Они вооружены и ждут своего часа. Они готовы бороться и убивать. У них есть оружие. Я уже давал им деньги, и я дам еще. Я ухожу к ним, они мои союзники». Лэнгдоны еще остаются хозяевами Юга. Да и только ли Юга? Лэнгдоны обладают большой силой. Кто союзники Лэнгдона? Кому он давал деньги? Родина разбойничьих банд Ку-Клукс-Клана,— это Южные Штаты США... «Свобода негров» — пустая формальность.

Бретт Чарлз не нарушил американских законов, как не нарушил их и Гарри Смит из пьесы «Русский вопрос». Бретт хотел честно жить и обучать негров грамоте. Но Элсуорт Лэнгдон увидел в этом опасность. Его дочь Алиса Лэнгдон покровительствовала Бретту, выросшему в доме сенатора. Но она смотрит на Бретта, как на «своего негра», так же, как ее отец смотрит на мать Бретта, служанку Беллу. Негры представляются Лэнгдонам неотъемлемой принадлежностью дома. В минуту, когда сенатору кажется, что от него все уходят, он говорит старой негритянке: «Ты мне ближе, Белла, чем моя собственная семья». Но это не мешает сенатору и его дочери Алисе толкнуть Бретта в руки шерифа и его молодчиков, которые избивают негра до полусмерти и отправляют в тюрьму.

Элсуорт Лэнгдон удивляется тому, что старая Белла с презрением отворачивается от него и уходит из дома... Он удивляется тому, что у Беллы есть материнские чувства и что она, глубоко религиозная женщина, считает, что «справедливость божья» не мирится с поведением Лэнгдонов.

Алиса поражена «неблагодарностью» Бретт Чарлза. Она удивлена, что Бретт осмелился войти в городскую библиотеку с парадного хода и попросить там нужную ему книгу. «Разве ты не мог взять у меня записку, как прежде?» — спрашивает она. По закону негру не запрещено входить в библиотеку без записки хозяев, но Бретт, конечно, не имел права, не должен был этого делать. «Священные» обычаи Юга... Алиса возмущена тем, что ее младшая сестра Дженевра встречала Бретта на вокзале и даже — о, ужас! — прогуливалась с ним. А ведь ровесники Дженевра и Бретт выросли в одном доме, вместе играли в детстве и на всю жизнь связаны большой дружбой.

Старушка Белла дает пощечину Бретту за то, что он, негр, осмелился поддерживать эту дружбу с белой леди. Ему больно, он — почтительный и любящий сын. Но еще больше страдает он от того, что видит всю пропасть между собой, офицером американской армии, и теми, чью жизнь он защищал. Он видит пропасть между Америкой Лэнгдонов и Америкой свободных людей.

Писатель Гоуард Меррик, жених Алисы Лэнгдон, порывает отношения с домом сенатора и уходит от невесты. Но он не может помочь Бретту. Сенатор говорит писателю: «На Юге обычно никто не здоровается с негром за руку... я напоминаю об этом полезном правиле этикета».

Дженевра любит Бретта — своего друга детства. Она решительно ничего не понимает в этих «порядках» и не хочет с ними мириться: «Разве можно вдруг перестать любить того, кто был твоим лучшим другом?» — спрашивает она с тоской. Дженевра покидает дом. Это — начало борьбы. Но лишь **начало.** Алиса остается с отцом и будет продолжать его дело. Прекраснодушие Алисы окончилось. Бретт, по ее мнению, — реальная угроза благополучию белых. Раскол в семье Лэнгдонов симптоматичен. Это раскол Америки. Но идеология рабовладельчества имеет глубокие корни, их не так легко вырвать. «Либеральная» Алиса недалеко ушла от своего папаши. В пьесе «Глубокие корни» мы видим то же самое, что и в пьесе Симонова и в пьесе Лилиан Хельман: две Америки — Америку реакционеров и Америку Линкольна и Рузвельта.

Коллектив театра имени Вахтангова создал чудесный спектакль, за который мы должны быть ему благодарны. Театр показал, «как повторяется история». Бретт Чарлз это — уже не старый «дядя Том».

То, что вопросы, поставленные еще Бичер-Стоу, не разрешены и поныне, весьма характерно. Но времена нынче другие. Выражаясь словами Бретта, стоять на месте— это пятиться назад, а Бретт назад не пойдет.

Артист А. Абрикосов полностью раскрыл трагедию Бретта. Бретт — Абрикосов сдержан, может быть, временами слишком сдержан, деликатен. Это человек сильной воли и самообладания, но за внешней сдержанностью чувствуются темперамент и большое внутреннее волнение. Резкое об'яснение с Алисой—это непрерывное нарастание протеста. Бретт преображается. Финальная картина — возвращение окровавленного Бретта из тюрьмы и сцена его ухода — запомнится надолго. Абрикосов изобразил Бретта без внешних эффектов, без единого «выигрышного» жеста. Бретт в исполнении Абрикосова до конца понял «зло жизни». И кажется, что он уже знает, каков должен быть его дальнейший путь. Это путь бескомпромиссной борьбы рука об руку со всеми прогрессивными элементами Америки...

Артист И. Толчанов создал правдивый образ сенатора Лэнгдона, образ звероподобного, уверенного в своей силе, циничного рабовладельца, заседающего в сенате. Это злобный, опасный враг, который ни на шаг не отступает от своих «традиций». Лозунг, выгравированный на крышке его фамильных часов, — «Честь превыше всего», — Лэнгдон понимает своеобразно: чтобы защитить свою «честь», он считает необходимым линчевать всякого мало-мальски подозрительного негра. А Лэнгдону все негры кажутся подозрительными. Толчанов создал интересный психологический портрет сенатора. Острая, тонко проведенная, богатая деталями роль, сыгранная Толчановым, делает честь артисту.

Роль Алисы Лэнгдон, старшей дочери сенатора, исполняет Ц. Мансурова. Артистка создала колоритный образ экстравагантной «либеральствующей» аристократки. Сомнения и колебания Алисы — борьба между привычками богатой южанки и желанием быть «справедливой» — кончаются тем, что она присоединяется к отцу. Непоследовательная последовательность классовой сущности Алисы — «зерно» роли, и Ц. Мансуровой удалось донести до зрителя эту основную идею. Самое интересное в игре Мансуровой и Толчанова — показ того, как в Лэнгдонах пробуждается зверь. Такова, скажем, сцена у телефона, когда Алиса вызывает шерифа, чтобы арестовать Бретта.

Очень выразительна игра М. Синельниковой в роли старухи-негритянки Беллы Чарлз и Л. Целиковской в роли Дженевры Лэнгдон. В этих образах видна правда, пронизывающая весь спектакль, который, мы уверены, будет иметь большой успех.

Р. Симонов и А. Габович проявили при осуществлении этой постановки большой художественный вкус и обнаружили ясное понимание социальных процессов, происходящих в заокеанской республике.

Бретт Чарлз — не один. С ним вся прогрессивная Америка. С ним — все, кто хочет полной победы демократии над фашистами и их покровителями. «Другие» — Лэнгдоны. В конце концов они потерпят поражение.

Хороший спектакль показали нам вахтанговцы. Поучительный, интересный спектакль!

Христо ВАСИЛЕВ

НА ПУТИ К РАСЦВЕТУ

Два месяца тому назад Камера народной культуры Болгарии отметила высокой наградой книги шести писателей, вышедшие в 1946 году и признанные особенно ценными по своим идейно-художественным качествам. Установившиеся теперь дружественные взаимоотношения между правительством и литературой наблюдаются впервые за всю историю болгарской литературы.

Союз писателей Болгарии детально обсудил формы своего участия в двухлетнем хозяйственном плане страны. И это также случилось впервые в истории Болгарии.

После освобождения нашей страны от фашистского ига в 1944 году положение писателей в обществе изменилось коренным образом. Из оппозиционеров по отношению к государству и правительству периода фашистской диктатуры они стали сотрудниками Отечественного фронта и горячими поборниками молодой болгарской демократии. Таким образом, сегодня они свободно и широко продолжают революционные и демократические традиции, завещанные им великой братской литературой России и лучшими болгарскими писателями прошлого.

Литература, которая создается сегодня в Болгарии, глубоко патриотична и народна; этим определяется ее реалистический и революционно-романтический характер.

В борьбе против фашизма, в борьбе за народную демократию, болгарские литераторы проявили себя не только как художники, но и как публицисты. Один из наших виднейших беллетристов, Георгий Караславов, издал большой сборник своих статей «Борьба за демократию». Председатель Союза писателей и депутат Великого Народного Собрания Людмил Стоянов неутомимо выступает со статьями, направленными против последышей реакции в стране. В газетах почти ежедневно публикуются выступления писателей по поводу острых общественно-политических вопросов. Никогда еще литераторы Болгарии не были столь активными в политическом отношении, как теперь.

Подавляющее большинство книг, издающихся в Болгарии, естественно, посвящено движению сопротивления. Более двадцати лет болгарский народ вел тяжелую подпольную и открытую борьбу с фашизмом, потерял в борьбе многих своих сынов и дочерей, и поэтому, понятно, что темы этой борьбы долго еще будут волновать наших художников. Из множества книг, вышедших за последние два года, я упомяну лишь наиболее значительные. Это в первую очередь посмертно изданные стихи Николы Вапцарова, расстрелянного в 1942 году. Камера народной культуры посмертно присудила ему высокую награду—«За искусство». Наградами отмечена также поэма «Вела» Доры Габе (о партизанке Веле Пеевой) и сборник стихов Младена Исаева «Огонь». В поэзии, посвященной партизанскому движению, большой удачей является только что вышедший сборник Веселина Георгиева «Партизанские песни». Сильное впечатление оставляет драма Крума Кюлявкова «Борьба продолжается», романы «Конец лета» Камена Калчева и «Шестеро» Николы Маринова и книга очерков Орлина Василева «Сопротивление».

Много правдивых стихов и рассказов написано об Отечественной войне против немцев, но особого внимания заслуживает поэма Ламара «Гаран Горинов», в которой показан героизм рядового солдата, правильно понимающего события и братающегося с советским солдатом на фронте.

Большая часть произведений о сопротивлении и особенно об Отечественной войне содержит мотив славянского единства. Здесь особенно сильно проявляется любовь к Советскому Союзу — главный залог этого единства.

Хозяйственное восстановление страны отражено в таких произведениях, как роман «Путь» Ст. Ц. Даскалова и сборник рассказов «Соколиная нива» Ангела Каралийчева, где затрагивается вопрос кооперирования сельского хозяйства Болгарии. В книге Георгия Караславова «Хаинбоазский проход» описан трудовой энтузиазм молодежи. Интересна драма Александра Гиргинова «Огни Перника», в которой воспеваются труд шахтеров и их борьба с саботажниками.

Современной болгарской литературе предстоит еще сделать много — бороться с пережитками прошлого, преодолеть многие литературные предрассудки, но правильный путь уже намечен, государство оказывает ей всяческую помощь, и особенно благотворно сказывается влияние на нее советской литературы. Нет никакого сомнения, что достигнутое сейчас — это лишь первые цветы будущего расцвета.

София.

Георгий МДИВАНИ

Май 1945—май 1947

Грохот советской артиллерии под Берлином 1 мая 1945 года, как эхо, отдавался в сердцах миллионов людей во всем мире. Народы радовались приближению полного разгрома самого страшного врага человечества — гитлеризма.

Во многих странах 1 мая 1945 года впервые было об'явлено государственным праздником, и граждане различного подданства, говорящие на разных языках, почувствовали себя братьями в борьбе за свободу, демократию и независимость.

1 мая 1945 года я был на Балканах. Весь Балканский полуостров, начиная от теплых берегов Средиземного моря, кончая снежными Альпами Словении, был охвачен торжеством победы и свободы.

Кое-где еще уничтожались остатки вражеских дивизий, окруженные немцы и австрийцы сдавались.

В эти дни героические части маршала Тито освободили Триест и Юлийскую Крайну, Торжествовала героическая Югославия, торжествовала счастливая Албания. В городах и селах мерцали неугасающие свечи на могилах освободителей — советских солдат и офицеров.

1 мая я беседовал с несколькими бывшими воинами ЭЛАС, людьми, которые с первого дня оккупации Греции не выпускали из рук оружия и в продолжение пяти лет боролись с немецкими и итальянскими захватчиками. Это были худощавые греки с обветренными лицами, загоревшими от солнца и горного воздуха. Они верили в дружбу человечества, верили в международную солидарность. Они верили, что навсегда окончились черные дни на Балканах.

— Мы — это вся Греция, а они — это лишь сотни. С нами — честные воины, а с ними — только предатели и наемные убийцы из фашистско-монархической банды ХИТОС.

— Кто это — «они»?

— Люди, которые предали народ и во время войны скрывались в Англии и в Америке или мирно и угодливо уживались с оккупантами. Сейчас они тянутся к власти при поддержке иностранной реакции...

Так говорил мне бывший командир партизанского отряда. Человек средних лет, он был похож на юношу, и радостью горели молодые глаза на его смуглом лице.

В ресторане, где мы обедали, сидело много офицеров разных стран. Незнакомые люди пили за здоровье друг друга.

Люди верили в дружбу. Сидевшие со мной воины ЭЛАС верили всем и радовались всему.

Это было 1 мая 1945 года. С тех пор прошло два года. И вот теперь, 1 мая 1947 года, я вспоминаю своих тогдашних собеседников, и передо мной, как на экране, проходит двухлетняя история многострадального героического народа Греции.

Я не знаю, где сегодня встречают 1 мая 1947 года мои тогдашние собеседники — ЭЛАСовцы. Может быть, некоторые из них погибли в новых боях за освобождение Греции от фашистско-монархических банд, а иные томятся в тюрьмах. Но сегодня 1 мая 1947 года, они уже безусловно не верят всем, они уже научились разбираться в том, кто их друзья, а кто враги.

Я вспоминаю слова пожилого грека с глазами юноши:

— Мы — вся Греция...

И я верю в то, что он жив. Такие не умирают.

Вряд ли может какая-нибудь сила утопить в крови и задушить такую страну, как Греция. Реставраторам фашизма не помогут ни сотни миллионов долларов, ни всевозможные военные специалисты. Им не помогут ни танки, ни фугасы, ни ракетные снаряды.

Демократическая армия Греции утро 1 мая 1947 года встречает новыми боями за освобождение своей родины. Самоотверженно дерутся ее воины. У них — чистая совесть, и, наверное, им трудно понять, как человеческая совесть позволила 67 членам сената США голосовать за законопроект об оказании помощи последышам фашизма в Греции.

Чедомир МИНДЕРОВИЧ

Вместе со строителями новой жизни

Всемирно-исторические победы Советской Армии и успешная борьба югославского народно-освободительного войска и партизанских отрядов заложили основание для широкого и свободного культурного развития Югославии. В борьбе против фашистских оккупантов и их приспешников родилась новая народная армия, новое, в подлинном смысле слова, демократическое государство, с народной властью и справедливо решенным национальным вопросом.

Мечты благороднейших людей Югославии сегодня претворены в действительность — мы, наконец, живем и творим в условиях полной свободы, отчетливо сознавая и наши возможности и стоящие перед нами трудности. И мы всегда помним о наших героях, мы благоговейно вспоминаем о погибших в бою, мы уважаем и ценим тех, кто, пройдя пути войны, теперь стал строителем новой жизни.

Уже спустя несколько дней после освобождения Белграда начало действовать несколько типографий, где наряду с политическими брошюрами и газетами печаталась художественная литература. И первая серия литературных произведений, выпущенных основанным тогда же Государственным издательством Сербии «Просвета» («Просвещение») была озаглавлена «Советская современная литература».

В течение 1945 и 1946 годов «Просвета» издало произведения сербских писателей, представителей критического реализма — Радоя Домановича, Бори Станковича, Петра Кочича, Стевана Сремца, Иво Чипика, Лазы Лазаревича и других, и книги современных писателей: сборник стихов Десанки Максимович—«Поэт и родной край», «Избранные рассказы» Бранка Чопича, большой репортаж Ото Бихали-Мерина «Испания между смертью и рождением», поэму Марка Вранешевича «Один из многих», сборники критических статей Велибора Глигорича и Милана Богдановича.

Наряду с классической и современной художественной литературой — отечественной и переводной — важное значение для нас имеет научно-популярная серия «Наука и жизнь», в которой публикуются произведения советских ученых. Помимо того, издательство «Просвета» выпускает учебники для начальных, средних и высших учебных заведений.

«Просвета» издает большой ежемесячный журнал «Наша литература», об'единивший вокруг себя, главным образом, литераторов, работающих в Сербии. В журнале публикуются проза и стихи, литературная, музыкальная и театральная критика, художественный репортаж и переводная литература. Журнал охотно печатает стихи и прозу молодых писателей. Сдвоенный номер (июнь—июль 1946 года, 320 стр.) целиком посвящен памяти Максима Горького. Сентябрьский номер 1946 года посвящен Светозару Марковичу, одному из первых социалистов Сербии и Балкан, ученику Чернышевского.

«Наша литература» отводит много места теоретическим и критическим статьям и художественным произведениям советских авторов.

Издательство «Культура», «Государственное издательство Югославии» и «Молодежное издательство», наряду с другими, более мелкими издательствами («Будущее» и «Матица српска» в городе Нови Сад и др.) выпускают лучшие произведения современных писателей, живущих в Белграде. Тут в первую очередь надо упомянуть «Песню о биографии товарища Тито» Р. Зоговича, романы «Мост на Дрине» (из времен турецкого ига в Боснии), «Роника Травника» и «Барышня» Иво Андрича, получившие премии Комитета культуры и искусства, дневники участников народно-освободительной борьбы Владимира Дедьера (в двух томах) и Драгойла Дудича (изд. «Просвета»), поэму «О молодежной железной дороге» Гвидо Тартальи, поэму Скендера Куленовича «Стоянка мать княжнолька», также премированную, «Стихи» Бранка Чопича, военный дневник «За Тито» и сборник рассказов Ч. Миндеровича «Узкая улица».

Конгресс югославских литераторов, на котором был основан Союз писателей Югославии, — первый в истории нашей литературы, состоялся в конце 1946 года. Хотя конгресс был посвящен преимущественно организационным вопросам, на нем были поставлены важные творческие проблемы. Конгресс отметил, что литература во многом отстает от действительности новой Югославии, охваченной не виданным доселе творческим под'емом и во многих областях добившейся уже больших достижений. Писатели должны еще теснее сомкнуться с современной жизнью, поддержать общие усилия, воспеть подвиги освобожденного народа, который неутомимо строит свое счастливое настоящее и будущее.

Белград.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

МЕСЯЦ В ИНДИИ

На научную конференцию, состоявшуюся в конце марта в Дели, с'ехались представители всех азиатских стран. В ней приняли участие деятели науки и литературы Азербайджанской, Узбекской, Грузинской, Армянской, Таджикской, Туркменской, Казахской и Киргизской Советских Социалистических республик. Конференция обсуждала вопросы о переходе от колониальной к независимой экономике, о расовой проблеме, о культуре народов Азии и др.

Народ Таджикистана с глубочайшим сочувствием следит за национально-освободительной борьбой, которую ведут индийские рабочие, крестьяне и интеллигенция против реакционных сил. Никакие препоны не помешают культурному содружеству трудолюбивых народов. Встречаясь с индийскими учеными, журналистами, писателями и рабочими, мы видели, что и они интересуются всем, что происходит в Советском Союзе, хотят знать о нас правду, которая зачастую искажается клеветой и злобными измышлениями продажных писак.

Жажда узнать истину о советском народе особенно наглядно проявилась при наших встречах и разговорах с рабочими и писательской общественностью городов Дели и Бомбея. Эти встречи были организованы Всеиндийским обществом друзей Советского Союза. Выступая перед писателями Дели, я рассказал им о развитии художественной литературы в Советском Союзе, о тесной связи литературы с жизнью, о той заботе, которую оказывает советское правительство работникам литературы и искусства.

Среди советских читателей произведения Рабиндраната Тагора и других индийских писателей пользуются популярностью. Встреча показала, что и индийские писатели знают и ценят русскую литературу. Они восхищены произведениями Льва Толстого, А. Чехова, В. Маяковского, М. Шолохова, Джамбула. Книги этих писателей переведены на язык урду.

С исключительной теплотой прошла беседа советских делегатов с поэтами Бомбея. Они передали нам красиво оформленную грамоту, в которой на индийском и английском языках дана восторженная оценка произведениям советской литературы. Многие индийские поэты находятся под обаянием творчества Маяковского. Строфика и ритмика его стихов, активное вмешательство поэта в жизнь, актуальность его произведений — все это воспринимается как образец страстной публицистической поэзии. Я читал поэтам свои стихи. Наибольший успех выпал на долю тех, где говорится о новой жизни в Таджикистане, о социалистических преобразованиях, возможных в условиях советского общественного строя.

— Хотите знать, почему нам нравятся стихи на социальные темы? — спросил меня поэт Хариндранат.— Индия — накануне великих преобразований, но мы не умеем об этом писать с такой яркостью, как это делают советские писатели. Любовной лирикой нас не удивишь! Непревзойденные образцы в этом жанре оставили нам Рабиндранат Тагор и другие индийские классики.

С горечью Хариндранат рассказывал о том, что индийская литература далека от народа. Писатели предпочитают не видеть страшных противоречий действительности. В рассказах, повестях, киносценариях на разные лады разрабатываются религиозные, мифологические сюжеты.

Меня поразила некая отрешенность индийской литературы от общественной борьбы, уход в мистические дебри. Индийская действительность таит в себе необычайно острые конфликты. Здесь на каждом шагу бросаются в глаза поразительные контрасты между богатством и нищетой, сытостью и голодом. Даже при беглом знакомстве видишь чудовищную нужду, на которую обречены крестьяне и рабочие Индии. Из книги С. Данга «Шахты смерти в Индии» я и раньше имел представление о беспросветно тяжелом существовании индийских шахтеров. Побывав в Бомбее, Калькутте и других городах страны, я убедился, что не менее тяжкую жизнь ведут и рабочие других профессий.

Клуб рабочих профсоюзов в Бомбее, где мы выступали, был переполнен. Точно сказку, слушали собравшиеся рассказы делегатов о культуре Таджикистана, Азербайджана и других советских республик, в которых до революции было 1—2 процента грамотных и где сейчас грамотность достигла 96—98 процентов. У нас в республиках имеются свои академии наук, театры, институты, школы, филармонии. Мы рассказывали об условиях жизни рабочих и крестьян, о стахановском движении, о почете, которым окружены у нас люди труда, о тяге народных масс к художественной литературе.

— Художественная литература для нас— недоступная роскошь, — заявил мне один рабочий.—Наш средний заработок в день— одна рупия (1 руб. 20 коп.), а книга стоит 20 рупий. Не смеем мы мечтать и о высшем образовании. Чтобы учиться в университете, надо платить за обучение 60 рупий в месяц.

Мы посетили лачуги, в которых в тесноте и грязи ютятся индийские рабочие, разговаривали с людьми низших каст, отщепенцами общества, которым по браминскому закону нельзя даже подать руку. Когда наши товарищи пожали им руки, это потрясло их и вызвало на глазах слезы.

Национальному искусству в Индии трудно конкурировать с искусством и литературой англичан и американцев. Книги индусских писателей выходят малыми тиражами. В кинотеатрах страны демонстрируются английские и американские фильмы. Мы привезли с собой фильм о советском Таджикистане и о первомайском параде в Москве. Демонстрация этих картин неоднократно прерывалась бурными аплодисментами.

Большое эстетическое наслаждение осталось у нас от знакомства с замечательными сооружениями и историческими памятниками Индии. Мы видели прекрасный мавзолей в Агре, построенный Шах-Джаханом, изумительные индийские храмы, высеченные в скалах 4.000 лет тому назад.

В стране сохранился культ почитания животных. Нам показывали священных коров, старость которых оберегают многочисленные прислужники. Глядя, с какой почтительной любовью они ухаживают за этими животными, поражаешься той жестокости, с которой люди ведут кровопролитную религиозную и кастовую вражду, не раз приводившую к ужасной резне. Все это, а также невероятная отсталость в области социальных и аграрных отношений, омрачило наше впечатление от прекрасной и сказочной страны.

Советская делегация пробыла в Индии месяц. Мы уезжали оттуда с чувством глубокой признательности за радушный прием, который был нам оказан индийской общественностью. Было шесть часов утра, когда к нам на аэродром, несмотря на дальность расстояния, пришла группа студентов, чтобы передать горячие приветствия Советскому Союзу, советской молодежи.

Черты мудрого и трудолюбивого индийского народа, облик его молодежи, деятельной и талантливой, мы сохраним в своих сердцах на долгие годы.

В день международной солидарности всех трудящихся я передаю сердечный привет народу Индии, работникам индийского искусства и литературы. Хочется верить, что долгая борьба этого народа за свою независимость, за расцвет экономики и национальной культуры увенчается блестящей победой.

Зеленый шум

Внимание! Внимание! Говорит Переделкино. Одновременно работают писательские дома отдыха в Голицыне, в Малеевке и в других местах.

Передача ведется на волне в 3000 метров — по числу членов Союза писателей.

Начинаем весеннюю актуальную и текстуальную передачу «Зеленый шум».

В передаче принимают участие наши лучшие друзья — солнце, воздух и вода.

Товарищи радиослушатели! Убедительно просим настраиваться на нашу литволну и не расстраиваться.

Разряды, треск и глушение неизбежны и будут устраняться по мере надобности.

Внимание! Говорит неопытный передатчик СП-52.

Слушайте нашу передачу.

Утренняя зарядка

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМПЛЕКС)

Внимание! Сбросьте одеяла. Начинаем утреннюю гимнастику.

Откройте форточку и хорошенько подышите свежим воздухом сегодняшнего утра. Так.

Теперь сделайте приседание к письменному столу. Раз, два! В правую руку возьмите самопишущее перо, так, чтобы левая нога оставалась в полном покое. Очень хорошо.

Следующее упражнение — наклоны в сторону издательства. Ноги не сгибать. Раз, два!..

Сейчас, прозаики и поэты, отдохните. Критики делают выпад, стараясь сохранить равновесие.

Переходим к бегу на месте. В нем еще кое-кто принимает участие. Раз, два! Раз, два!

Так. Отлично.

Внимание! Детские писатели делают поскоки, остальные отдыхают, кроме тех, которые собираются делать наскоки.

Теперь возьмите в каждую руку по апрельской книжке толстого журнала за 1947 год. Виноват, ошибка. Возьмите по мартовской книжке толстого журнала. Что? Тоже еще нету? Ну, тогда возьмите по февральской книжке за прошлый год. Начинаем пожимание плечами с одновременным разведением рук. Раз, два! Хорошо.

Теперь делаем подтягивание. Подтягиваться надо всем быстро и энергично. Приготовились... Начали!

Мы передавали утреннюю гимнастику — литературный комплекс.

Заявки

Слушайте нашу актуальную передачу литературных заявок на новые сценарии. Наш микрофон установлен в Министерстве кинематографии. Внушительный шорох, доносящийся до вас, — не что иное, как перелистывание заявок сократившимися, но достаточно еще многочисленными инстанциями. Легкий стон, прозвучавший только что, издан очередным сценаристом, получившим очередной раз внеочередные поправки. Более тяжелый стон переиздан им же, когда он убедился в том, что эти поправки полностью противоречат проделанной им за последние месяцы работе и явно возвращают сценарий от восьмого варианта к третьему.

Равномерный гул, доносящийся издалека, свидетельствует о том, что худсовет заседает. Вот и хорошо!

Внимание! Начинаем литературную передачу.

Вечер 1001 стихотворения

Так как такое количество стихов прослушать в один прием почти невозможно, предлагаем вашему вниманию пока только два поэтических произведения. В целях экономии времени и увеличения интереса к передаче фамилии поэтов будут переданы отдельно в специальном выпуске поэтических известий. Передаем стихотворение, написанное и записанное механическим способом на дому очень лирического поэта.

***

Который год во двор не выхожу,
Сижу, дрожу и на тебя гляжу.
Опять трещит докучный телефон,
Но мы сидим и смотрим друг на друга.
Что телефон? Что мир? Всего лишь фон
Для нас с тобой, любимая подруга.
Четвертый год гляжу на твой капот,
Который я купил тебе когда-то.
Четвертый год он все тебе идет...
Я помню все события и даты.
Вчера к обеду были голубцы,
В четверг с утра ты встала с левой ножки,
Третьегодни солила огурцы
Моя неувядаемая крошка.
Я знаю все улыбки наизусть
И звонкий смех твой без конца, без края.
Я, как грозу, переживаю грусть,
В резной флакончик слезы собирая.
Целую руки, губы и глаза,
Сердца грохочут, словно мотоциклы...
Редакция сама ответит за
Альбомные лирические циклы.

Следующим номером нашей лирической подборки в результате строгой отборки идет стихотворение, написанное в библиотеке преждевременно запылившимся молодым поэтом.

Я ВЕСЬ!

Я в звуках весь, я весь внутри.
Я вещь в себе. Я весь абстрактность.
Ворвись в меня и посмотри
Моих бурлений многоактность!

Да, я здоров и молод, но
Я жизни вне, я весь над нею.
Я бледен весь, как полотно,
Мои стихи еще бледнее.

Скитаясь в комнате своей,
Я ржу конем и вою волком
И узнаванье наших дней
Произвожу по книжным полкам.

Я одержим средь бела дня
Лиричностью, как флюс, раздутой.
Поэзия! Хватай меня,
Распутай и опять запутай!

Смотай меня в тугой клубок,
Вэболтай меня, как бром в аптеке,
Чтоб никакой поэт вовеки
Перемудрить меня не смог!

Уроки русского языка

Передаем очередной урок русского языка для некоторых наших начинающих, продолжающих и не кончающих литераторов. Внимание! Проверьте ваш язык! Попробуйте сами, по счету раз, два, три, четыре, подчеркнуть все шероховатости, все бледные и неудачные места в вашем произведении.

Если вам это представляется затруднительным, обратитесь за помощью к любому вашему товарищу по перу. Не сомневаемся, что он с большим удовольствием окажет вам эту маленькую услугу, после чего, безусловно, сможет рассчитывать на аналогичную помощь с вашей стороны при первом, но удобном случае. Пишите нам, товарищи писатели. Пишите побольше.

Литературная дискуссия

Внимание! Начинаем передачу литературной дискуссии, разгоревшейся вокруг стихов Игоря Некто.

Слушайте выступления критиков, несколько разошедшихся в своих оценках упомянутых стихов.

Предоставляем слово **Е. Сладкопевцеву.**

У микрофона товарищ Сладкопевцев.

Восхитительные строчки
Подарил нам Игорь Некто!
У него из каждой точки
Бьют фонтаны интеллекта!
Будет он царем читален,
Клубов и библиотек,
Ибо ультрагениален
Мастерства его разбег.
Игорь Некто — это глыба,
Он живое воплоще...
Потому что, так как, ибо,
Так сказать и вообще!!!

***

У микрофона критик **Змеев-Ужалов.**

О, халтура! Халтурщик, халтуря,
Охалтурился, охалтурёл!
Рифмоплет, виршегон по натуре,
Стиходуй! стихоплюй! стиходел!!!
Он несет небылицы и бредни,
Шелуху, требуху, чепуху.
Он бездарен, как тумба в передней
И как шуба на рыбьем меху.
Я бы вирши такого пролазы
Критикнул бы еще и не так,
Но я враг заушательской фразы
И невежливой критики враг!

Умный крокодил

Слушайте передачу для критиков о вежливости. Отвечаем на письма наших слушателей. Критик Ванюша З. пишет нам: «Дорогой Умный Крокодил. Я очень люблю слово «халтура». Папа, мама и бабушка не позволяют мне употреблять его в моих статьях. Они говорят, что это очень обидное слово. А я его все-таки люблю. Посоветуй, как мне быть?»

Дорогой Ванюша З.! «Халтура», действительно, очень обидное слово. Если тебе что-то не нравится, ты прямо так и пиши, но ведь это не обязательно надо называть халтурой. Может быть, это просто неудача твоего товарища. Подумай-ка над этим. И чаще повторяй нашу песенку:

Будьте вежливы в трамвае,
Будьте вежливы в статьях,
Зря людей не оскорбляя
В литсраженьях и боях!

На этом передачу «Зеленый шум» мы заканчиваем.

Передачу вели **АЛЕКСАНДР РАСКИН** и **ЯН САШИН.**

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Б. КОЖЕВНИКОВ, А. МАКАРОВ (зам. главного редактора), В. СМИРНОВА, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-26-04, литератур братских республик — К 4-60-02, детской и областной литературы — К 4-61-45, искусств и иностранной литературы — К 4-64-61, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Б01547. Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. № 1166.